

Гос. издательство
«Искусство»
Москва
1950 г.

СМЕНА

9

1950

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

**МЫ СТОИМ ЗА МИР
И ОТСТАИВАЕМ
ДЕЛО МИРА...**

И. СТАЛИН

Молодежь Парижа на массовом митинге сторонников мира. На транспарантах молодых патриотов Франции написано: «Наша кровь не продается!», «Да здравствует мир!», «Мир Вьетнаму!» (снимок вверху). Молодежная демонстрация в Брюсселе. На плакатах, которые несут демонстранты, написано: «Мир» (снимок слева). Десятки тысяч женщин и девушек Вены приняли участие в митинге, организованном Союзом демократических женщин Австрии в защиту мира (снимок справа).

Простари все страж, сохидайте!

СМЕНА

Литературно-художественный и общественно-политический журнал
Центрального Комитета ВЛКСМ. Май, № 9, 1950 год.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР
Ю. В. КОЗЛОВ
РЕДАКЦИОННЫЙ АДРЕС
М. В. И. ЛЕНИНА

Год
издания
27-й

Торжественно прошли по всей нашей стране перекрёстные демонстрации. Миллионы советских людей вновь и вновь показали всему миру несомненное морально-политическое единство народа, свою преданность делу партии Ленина—Сталина, своё неуклонное стремление к миру. На с ним же: перекрёстная демонстрация трудящихся на Красной площади в Москве.

Фото Л. Батанова (ТАСС)

Николай ТИХОНОВ,
председатель Советского юнитета защиты мира

Мир победит!

В первый сагта своих заокеанских хозяев французский генерал Бийот выдвинул в отставку и громкоосла заявил на страницах газеты «Каррефур»: «Берегитесь! Война приближается!»

Сам он не боится этой войны, потому что его мечтой является отдать все народы Европы в руки американского «сверхгосударства». Хозяева Бийотта и многих других подобных ему европейских воинов мобилизуют все свои силы, чтобы развязать войну в Европе и во всём мире.

Под руководством матёрого волка милитаризма Черчилля созывается «европейская конференция по вопросам культуры» «Объединённой Европы», где многие оголтелые ненавистники Советского Союза, враги собственных народов, вопят о войне против Советов и стран народной демократии. Эти империалисты хотят видеть Европу «объединённой...» в цепях американского капитализма. Правые социалисты мечтают о том, чтобы воскресить вооружённые силы германского фашизма.

Ванды шпионов, диверсантов, провокаторов, наёмных убийц выпущены американскими поджигателями войны на европейский материк. Они рыщут по Европе, чтобы вести подрывную работу в странах народной демократии, в профсоюзном и молодёжном движении европейских стран. Бандиты пера расписывают армиями красками титовскую клику, слушающую разбойничьи интересы американского империализма.

Американские паравозные зурбы, не стесняясь, призывают организовать главные силы будущей армии наступления на Советский Союз из бывших эсэсовцев и штурмовков.

Иные страны Европы, как Дания, Швеция, считавшие, что как-нибудь смогут втихомолку отсидеться от новой войны, сегодня полны тревоги, потому что наглость американских поджигателей войны не знает границ. Американский самолёт Б-29 («летающая крепость»), нагло нарушив элементарные нормы международного права, углубился на советскую территорию на 21 километр и, когда наши истребители предложили ему совершить посадку, открыл огонь. Воздушный разбойник, как известно, вынужден был удалиться с советской территории. Под видом поисков исчезнувшего самолёта американские вооружённые силы оккупировали датский аэропорт Каструп и стали совершать полёты над шведским военным портом Карлсруна. Видимо, этим они хотят показать, что международные законы писаны не для заокеанских захватчиков.

Считая Европу чем-то вроде не совсем ещё завоеванной колонии, купил её правителям — английским лейбористам, французским правых социалистам, их союзникам из других стран европейского материка, бывших фашистских агентов, предателей, перебежчиков всякого рода, генералов-заговорщиков, — американский империализм требует сейчас от всех маршаллизованных государств безоговорочного подчинения.

В Европе создаются военно-воздушные базы, заседают штабы «объединённых армий», наконец, в портах начинают выгружать оружие. И над всем этим разло разносит острейший шантаж — рассказы об ужасах воюродной бомбы, будто бы во много раз превосходящей пресловутую атомную бомбу.

Американские империалисты заставили правительства Франции и Италии принять волеи законы против народного движения, законы, по существу, фашистского порядка. Не сегодня — завтра США признают равноправным и даже ведущим членом своей европейской пяшки Франко.

Американские послы, как это делается, например, в Греции, просто отдают приказы различным правительствам, как приказывают приказникам; американские генералы могут, как, например, в Турции, производить инспекцию войскам и разносить офицеров, как своих собственных колониальных субалтернов. Американские самолёты нагло летают там, где им не следует летать. Американские флоты непрерывно бороздят европейские воды с целями разведки и военной демонстрации.

Поджигатели войны обнаглели и распоясались.

В Китае они потеряли сокрушительное поражение. Но в Малайе идёт народная война, которую не могут подавить регулярные войска Великобритани и её наймиты. Но Вьетнаме та же Америка Ачосена даёт французским оккупационным войскам оружие для борьбы против сражающегося за свою свободу вьетнамского народа.

В Вирме применяются самые жестокие репрессии против бо-

ЗАПРЕТИТЬ АТОМНУЮ БОМБУ!

Молодые рабочие Лондона подписывают петицию о запрещении атомной бомбы. (Из английской газеты «Челленджер»)

рощегося бирманского народа. В Нигерии — расстрел мирного населения, в Йемене бомбит мирные деревни.

Все средства пропаганды брошены на помощь поджигателям войны. В этих условиях, вызывающих тревогу и беспокойство народов мира, серьезно и решительно прозвучало воззвание Постоянного комитета Всемирного конгресса сторонников мира, принятое на третьей сессии Комитета в Стокгольме.

«Мы требуем безусловного запрещения атомного оружия, как оружия устрашения и массового уничтожения людей. Мы требуем установления строгого международного контроля за исполнением этого решения. Мы считаем, что правительство, которое первым применит против какой-либо страны атомное оружие, совершит преступление против человечества и должно рассматриваться как военный преступник. Мы призываем всех людей доброй воли всего мира подписать это воззвание».

Это воззвание, как молния, осветило сумрак капиталистического дня. Поднявшаяся волна народного движения за мир подтверждает, что силы мира больше сил войны.

Если окинуть фронт мира от Софии, Праги, Варшавы до Тихого океана, Ясно-Китайского моря, Кореи, то эти сотни миллионов людей, занятые сейчас мирным трудом, уверенные в своем завтрашнем дне, непобедимые и гордые своими успехами, представляют такой фундамент мира, такой несокрушимый оплот, что при взгляде на эту картину смутится любой поджигатель войны.

Но в остальных странах, где миллионами людей задавлен капитализмом, где свирепствует террор полицейских режимов, где охваченные страхом перед будущим крушением империалисты готовы на любую кровавую провокацию, — там протест миллионов против атомного оружия должен быть организован силами сторонников мира так, чтобы и там стало видно, что промки темных сил и обман трудящихся не имеют успеха и что восторжествовала воля миллионов.

Сейчас это великое движение за мир началось во многих странах. Мы уже видим, как люди, без различия профессий и религиозных взглядов, без различия рас, ставят свои подписи под воззванием, подчеркивая свою волю к миру, своё согласие с провозглашенными в Стокгольме требованиями о запрещении атомного оружия.

Но не только миллионы подписей людей доброй воли будут доказательством в пользу мира и демонстрацией против поджигателей войны.

Рабочие западноевропейских стран, которые отказываются служить, перевозят, производят, вооружение, тоже выражают свою волю, предупреждая своим поведением поджигателей войны, что те шутят с огнём.

Чем нагнее и свирепей делается лагерь поджигателей войны, тем теснее смыкаются растущие ряды сторонников мира.

Вопрос войны и мира — вопрос жизни для всех возрастов, всех поколений. Сокрушение фашистских агрессоров дало новый импульс жизни, дало нашей молодежи возможность вновь расти, учиться, трудиться на пользу родной страны.

Поджигатели войны хотят уничтожить сегодняшний и завтрашний день советской молодежи, хотят обрушить на её головы самые страшные орудия уничтожения.

Но они ошибаются, думая, что так легко это сделает Советский Союз, возглавляющий все народы, борющиеся за дело мира, стоит на страже мира и не позволяет поджигателям войны безнаказанно провоцировать и сеять тревогу среди народов, не желающих поддаваться тёмной воле агрессоров.

Советский Союз является примером для всех народов, демонстрируя свою несокрушимую мощь, направленную на дело мира, на мирное строительство, на создание великого лагеря мира, объединяющего все народы земь. Самые простые люди самых дальних стран знают, что такое мирная политика Советского Союза, возглавляемая великим вождём человечества товарищем И. В. Сталиным, знают трудовые подвиги советских людей и верят, что мудрая мирная сталинская политика спасёт народы мира от новой, несмысленной катастрофы.

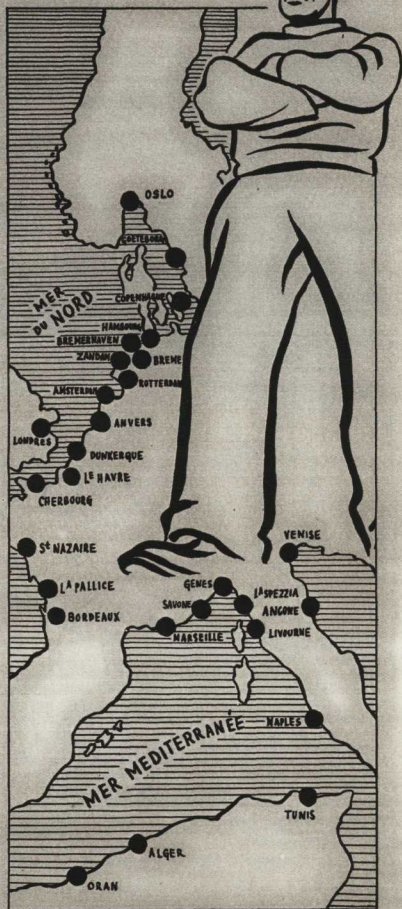
Вот почему они — эти простые люди — ставят бесчисленные свои подписи под воззванием Постоянного комитета о запрещении атомного оружия и об объявлении военным преступником правительства, которое первым применит атомное оружие.

Борьба за прочный мир вступает в новую фазу, поднимается на новую ступень. Поджигателям войны станет ещё трудней строить свои кровавые козни. Они уже не смогут неожиданно поставить народы перед совершившимся фактом преступной войны.

Народы не спускают глаз с их тёмных махинаций и знают наперёд, что значит для простых мирных людей этот новый потоп войны, который не посчитается ни с людьми, ни с созданными их трудом культурными ценностями. И поэтому народы скажут своё решительное слово сегодня, чтобы не было сомнений в том, за войну или за мир стоят они.

Дело мира должно победить — и оно победит!

«НЕТ!» — ВОЙНЕ

Этот рисунок, заимствованный из французской газеты «Ла ви удриер», изображает бастующего докера и карту портов Европы и Африки, где рабочие отказались разгрузить пароходы с оружием, присланным американскими поджигателями войны.

Вл. ЛИДИН

У ОКЕАНА

Рассказ

Из Пенмарша дорога вела к океану. В воздухе стало свежее, запахло знакомым океанским простором. Путники ускорили шаг, насколько позволяли уставшие ноги в разбитых, с бёвками вместо шнурков, солдатских башмаках.

— Теперь скоро, — сказал один из них, повернув голову в сторону океана. — Только пройти Кералек.

Автомобильная дорога темнела выбоинами, ещё не отремонтированная после войны. Путников было двое: один — высокий, худой, в короткой, не по росту, шинели французского пехотинца, видимо, вымененной или подаренной кем-нибудь из жалости; он шёл размеренным шагом человека, привыкшего к движению под конвоем; казалась, даже близость океана не могла оживить его сухого, с большим горбатым носом, словно выветрившегося лица. Другой был низенький, крепко сбитый, как бы не поддавшийся всем испытаниям трёхлетнего пребывания в лагере и последовавшим годам безработицы. Только отросшие волосы из-под надетого набока берета были густо поселены преждевременной седью. Он шёл, засунув руки в карманы какой-то странной, горчичного цвета курточки, в которой можно было распознать наполеонову обрезанное когда-то непромокаемое пальто.

— Скоро мы разойдёмся с тобой в разные стороны, — сказал низенький, остановившись, чтобы дождаться отставшего спутника. — Семь лет мы были вместе, а теперь каждый пойдёт своей дорогой. Могаи ли мы думать, что вообще останемся живы? Французом в лагере тогда было три тысячи... а уцелело не больше ста человек. Мне сказал об этом майор Стровов. Ты помнишь майора Стровова? Он был танкист.

Они пошли теперь рядом.

— Послушай, — добавил после короткого молчания низенький. — Вероятно, со временем многое сотрётся в памяти... человеку свойственно забывать. Но если ты когда-нибудь забудешь, что освободили нас русские, наши дороги с тобой навсегда разойдутся.

— Нет, наши дороги не разойдутся, — ответил спутник. — Такие вещи не забываются. Если бы не русские, мы, вероятно, не шли бы сейчас с тобой к дому... или, вернее, к тому месту, которое называлось нашим домом когда-то. Вот уже четыре года после войны мы ходим с тобой по свету в поисках работы; по правде говоря, годы эти были для нас не намного лучше, чем пребывание в лагере. Во всяком случае, не сытнее. И всё же это было легче, чем вернуться домой, где не осталось никого из близких.

— Теперь мы поборолли и это...

— Потому что идти больше некуда. Подумай, что только мы не делали с тобой: были и штукуатурами, работали и на автомобильном заводе, но зачем французам выпускать автомашин, когда американцам некуда сбывать свои? Когда нас сократили на автомобильном заводе, мы пошли бить камни на дороге, а потом нам даже предлагали поступить снова в армию: может быть, нас отправляли бы во Вьетнам убивать людей за то, что они хотят жить по-человечески.

— Да, нам ещё не хватало с тобой, чтобы у нас на совести был хотя бы один убитый вьетнамец.

На перекрёстке у дорожника указателя они остановились, впервые за семь лет дороги разводя их в разные стороны.

— Странно всё-таки, что нам приходится расстаться, — сказала человек в куртке. — Очень странно... к смерти готовились вместе, в поисках работы таскались по свету вместе, голодали вместе, а жить дальше придётся прощ.

— Для друзей нет расстояний. Когда-то нам казалась, что и Россия далеко, а она для нас не дальше теперь, чем наш дом.

— Итак, до встречи.

Минутой спустя они уже шли в разные стороны. Ветер принёс с Атлантики дождь, и асфальт сразу потемнел. Солдат глубоко засунул руки в карманы курточки. Туши тингала двигались со стороны океана, и за поворотом открылись знакомые скалистые берега и дымная полоса воды. Ветер пахнул влагой и водорослями. Длинные побуревшие стебли морской капусты сушились на берегу. Женщина с девочкой, наклонившись под ветром, собирали их в мешки. Над Бретанью был сырой март, океан, как обычно в эту пору, бросался на берег, и водяной пар от брызг стоял над прибрежными скалами. Вскоре видны стали отсыревшие дома рыбацкого посёлка, у берега раскинулись матчи барок, голубые сардиничные сети сушились на вешалах, и за выходом из бухты двигались могучие зеленоватые массы океана...

Солдат остановился, ступая с головы берет и постоял с непокрытой головой. Знакомые запахи морских водорослей и прорывающих рыбацких сетей живоительно, до боли, входили в лёгкие. Он пошёл затем вдоль берега, вглядываясь в барки, прочитывая названия на корме, и даго стоял воем одной из них. Потом он глубоко вздохнул, снова натянул берет на поседевшие волосы и зашёл в придорожную гостиницу.

— Здравствуй, дядя Жаль, — сказала он старику с продольными глубокими морщинами на сухом кирпичном лице. — Я Анри Домэк, меня трудно узнать. Семь лет не был я в наших краях... семь лет меня носило по свету, и я всё-таки не умер, хотя не раз был близок к этому. Прийти меня на сегодняшний вечер. Заходить в свой пустой дом тяжело... вся моя семья погибла четыре года назад в фашистском лагере. Нам, несколько десятков уцелевших французоз, освободили русские. Это были танкисты.

Его не стали ни о чём расспрашивать, накрыли суровой скатертью стол и поставили еду и вина. Сумерки уже густо прилипли к окнам, и снаружи тяжело разбивался о скалы океан. Потом широкий луч хлестнул вдруг в полутьме весеннего вечера, перекинулся справа налево и погас, чтобы снова возникнуть через минуту. Это был переменный огонь Экмильского маяка. В доме не зажегали огня, потому что не было керосина, и пришедший послал и вышла вина при освещённом чередовании всплещ маяка. Потом его подвели к постели в соседней комнате, и, не снимая своей курточки из обрезанного пальто, он уснул.

К утру туши пронесли, под солнцем тяжело ходили огромные зелёные валы океана.

— Не найдётся ли у вас чёрной крапки? — попросил пришедлец хозяйня. — Мне нужно совсем немного.

Ему назвали крапку в банку из-под консервов, и он ушёл на берег. В бухте прыгали и качались рыбацкие барки, и солдат медленно шёл мимо них, выискивая барку с нужным названием.

— Вот она, — сказала он вслух, — я узнал её вчера ещё издали. Она удедела, моя «Чайка»!

Барка была не крашена все эти годы, свёрнутый парус на ней побурел и, наверное, прогнил. Солдат ухватился за кормовую цепь и, скользя и спотыкаясь на мокрых камнях, подтянул барку к берегу. Борта её замшелы, и на них были ракушки.

— Ничего, — сказала солдат, — мы всё это отскобалим, и она снова будет плавать.

Потом он замазал краской название, связанное с молодостью, с мечтой быть свободным, как птица, и тщательно вывел на корме: «Майор Строгов». Двое юношей, возвышавшихся над сетями в соседних барках, оторвались от своей работы, наблюдая за ним.

— Пускай огнём «Майор Строгов» будет у нас головным, — сказал он и помалка беретом. — Он принесёт нам счастье и большие удавы. Это говорю вам я, Анри Домэк, которому вернули свободу русские!

Тогда юноши тоже сняли береты и похлопали ним в воздухе. Они были в своих красных и синих брезентовых костюмах, дети рыбаков Бретани, для которых колыбелью и дорогой свободы была всегда океан. Потом Анри Домэк снова сдвинул свою барку с берега, и она заколыхалась на воде, чтобы через день — другой «Майор Строгов» вышел во главе флотилии в поисках рыбацкого счастья в океан.

Иосиф Громан на сессии Исполкома ИСС в Москве.

Иосиф ГРОМАН,
президент Международного союза студентов

СТУДЕНТАМ НУЖЕН МИР

Дорогие друзья!

Спасибо вам за гостеприимство Советского Союза! Успешная недавно состоявшаяся в Москве сессия Исполнительного комитета Международного союза студентов.

Помалку, на земле нет лучшего места, чем стояция миролюбивого социалистического государства, для вопроса о борьбе студенчества за мир.

В последние время агрессоры особенно активизируют и кровавой войне. Американские монополии продолжают доставлять оружие в различные европейские и швейцарские стран, разрабатывают американские средства массового уничтожения, также как модернизируют оружие военных штабов, наборы флотов и т. д.

Нагнутые империалистические ростки сил мира, сторонники новой войны усиливают террор против

Одним из главных репрессивных не могут помешать мощному движению борцов за мир. Миллионы людей во всех странах горячо приветствуют воззвание и решение Стокгольмской сессии Постоянного комитета Всемирного конгресса сторонников мира, требующего прекращения войны.

Студенческие организации многих стран уже развёрнули большую работу по популяризации воззвания, по

восточного Союза и стран народной демократии Европы и Азии. Подымают свои голоса протеста против войны студенты Италии, Франции, колониальных стран, Это сторонники мира.

Решения закончившейся на днях сессии Исполкома Международного союза студентов будут способствовать ещё более широкому участию студентов в борьбе за мир.

Борцы приветствуя и одобряя воззвание и решения Постоянного комитета Всемирного конгресса сторонников мира, студенты торжественно клятнутся, что они достигнут благородной цели — разрушить империализм, разоружить человечество и защитить мир.

Разнонадиберная и разномастная флотилия быстро окружила широкий корпус «Надежды».

Николай РОШИН

ШКОЛЬНЫЕ ПЕНАЛЫ

Рассказ

— Нет, чёрт возьми, не всё же марсельцы рассказывают свои, ходячие по всему Провансу, анекдоты и гордятся своим соседством с Тартареном Тарасконским! Нет, именно здесь, в старых стенах города и на его площадях, родился «Марсельеза»; немало марсельцев было в командах тех кораблей французского военного флота, которые предпачи морское дно грязным лапам фашистов, и «звёздная вошь»¹ хорошо узнала в Марселе, чем пахнет палёный волос! Нет, чёрт возьми, не так-то легко нас взять голыми руками, мы ещё посмотрим, чем кончится сегодняшняя история! — со злобой говорил, сжимая руки в кулаки и шлёпая дрыпьями подоловьями расплоскившегося ботинка по лужам окраинных улиц, Изидор Брамугаля, коренной марселец и по-томственный портовый грузчик.

Вчера, в обеденный перерыв, зайдя на минуточку домой, чтобы хаебнуть пустого супа, Изидор увидел, что прибавивший раньше своих подвижности, смуглое тело, худобу и чёрные глаза и волосы провинце «карабоз», жук, чистит и смазывает старый тяжёлый револьвер.

— Ты что, в уме, малый?! — шагнул к нему Изидор. Сын быстро метну в его сторону взгляд своих горячих глаз и, пожав плечами, молча продолжал работу.
— Я тебя спрашиваю, что ты делаешь?
— Ауду бобы, отец.
— Брось дурацкие шутки!
— Ты же знаешь, папа, что четверо наших арестованы. И почему ты так уверен, что за тобой и мною не придут завтра на рассвете эти грязные когти? — ответил Жако. — А я сказал себе и говорю тебе и всем, что я живым и их лапы не дажи и перед смертью всё-таки успею размохотить башку одному — двум мерзавцам!

Да ведь арестованы руководители, а ты на какой парад собрался, питалац? Взрослый человек, а разводишь мальчишескую романтику. Оставь эту игрушку!

— Послушай, отец, — резко повернулся юноша. — Почему же ты не запрещаешь мне водоситить патроны и расклеивать по ночам наши прокламации, когда мы вышибали фашистов из Марселя? Разве не ты же шайка адецов, трусов и грабителей, которая

¹ Так во время оккупации французы называли гитлеровцев за прет их военных мундиров.
² Ивица полицейских.

командовала нами до войны, опять забравшая наверх? Разве не вышпунены из тарзан те, кто лизал немецкий слюног и предавал собственный народ? Разве не заняли их места в тюрьмах те же, кого хватали оккупанты и петлюнцы? Словом, разве не те же самые фашисты вновь правят страдой?

— А во второй половине дня на работе в порту Брамугаля, опустив в баркас очередную ношу и распрямив широко плечи, посмотрел на сына и с горечью сказала себе: «Нет, разве ещё ему работать, слаб, надорвется, заболест, будет хуже всей семье. Моя ошибка. Он вспомнил, что сын рос во время войны в голоде, нищете и потому стал слабодурным, слабосильным».

Это было вчера.

А сегодня утром целых два часа бужшева митинг в порту. Сообщали, что по всей Франции прокатывается волна забастовок. Стоявшая на рейде «Надежда» уже на треть была загружена тюками и ящиками, на которых было написано: «Школьные принадлежности», «Каучук», «Детали машин». Груз направлялся в Марокко, а оттуда в глубь Африки. Грузчики — горячие головы — взбирался на горку ящиков и, потрясая повсюду, предлагали остановить работу.

— Неграм нужен хаеб, а не каучук. Где же это видно, чтобы в Африку посылались каучук?!

— Кончай работу!

Но тут поднимался на ящик кто-нибудь из «растоптаных» и «спирюцильных». Он начинал говорить о культуре и о «едини Франции», и вновь в ответ вздымалась шумная волна криков, угроз и напешек:

— Знаем мы твою «культуру»! Твоя «культура» — это бляха и шулеги!

— Негры имеют право жить и без нас!

— Нам не нужен чужой хаеб, и рабы нужны не нам!

— К чёрту свиней из Христианского профсоюз!

— Дайте ему хорошую затрещину!

— Бросай работу!

Так шло все два часа, пока кто-то, спокойный, серьёзный, не сказал коротко и вразумительно:

— Наши действия будут самочиными, и их осудит руководство коммунистической партии. Если бы это было оружие, тогда другое дело. Тогда бы мы пошли за нашими товарищами в Гавре.

Это выступление было упатом воды на горячие головы. Люди разочарованно разошлись по местам. Вновь замелькали новенькие деревянные ящики разных форм и размеров, но с одинаковым чётким клеймом: «Дюран, Ми и компания». И вновь появились от вагонов к баркасу ручные железные тележки и начали прогуживаться вдоль пристани два представителя фирмы. Оба они были чем-то похожи друг на друга: казались, их красным толстым носом, широко плечам и медленной, тягучей походке. Больше подошли бы не их новенькие жёлтые ботинки, а когтистые с геометрически безупречной складкой яркой, а также, широкие паши и грубые тупоносые башмаки, которыми полицейские бьют в пах арестантов.

«Другое дело, если бы это было оружие...» Кажется, никогда в жизни Брамугаля не видел, чтобы так быстро и с таким эффектом всколых сказанные слова оборачивались делом. Слова были произнесены сегодня утром, а совсем недавно, всего два часа назад, и случилось то, отчего Брамугаля сжимает руки в кулаки и через каждые два слова со злостью поминает черта.

Подросек-грузчик Пьер, закалмчный друг Жако, работавший с ним вместе, некогда подал ему из вагона ящик, и ящик сковалянул с палеца, упал на пшалу и треснул.

— Что же ты, разиня! — подлая голову Жако.

— Извини. Жук, что-то руки ослабели, давно работал. Ничего, сейчас поправим, — и Пьер, как воробей с порога, соскочил на землю.

Из третьим видел был промассенный холст. Ребёта, вместе того, чтобы поскорее заколотить оттошедшую доску и продолжать работу, из абсолютности изворвал холстину из дыры гайнул из них... пачка новеньких ружейных стволов.

— Вот она, культура, вот они, школьные пеналы для негринских детей! — со злой восторженностью кричал, подбегая к отцу и размазывая вёрёвным стном, Жако. В миг исчезли агенты «городской фирмы». Рабочие обступили вагон, ящики полетели на землю, холст затрещал под напором карманных ножей, и со звоном ударялись о рельсы ружейные затворы, стволы

ли, части разобранных пулеметов. А тут ещё по доброму совпадению, верный человек из портового управления дал знать, что курс «Надежда» лежит не в Марокко, а в Индокитай и что никакая фирма «Дюран, Смит и компания» в мире не существует...

Издор Врэмугали говорит, что он терпеть не может «всякой тайны». Но что он в последние годы проработал в парижском отряде против немцев и отечественных обросов и сегодня, разбивая ящики с винтовками, призывает товарищей размыкать и передавать собственными руками предателям Франции, а потом не сканюна бы считать похиткой. Это всё жиня, а олимпиада — это выборы в парламент, департаменты и муниципалитеты, полку, реки министров и депутатов.

Впрочем, политиками в его глазах были и коммунисты, хотя в программе и поведении их многое было ему близко и понятно. А вот за вчерашний и сегодняшний день Издору стало ясно, что коммунисты полностью правы, что если вода подступит к горлу, то какому же человеку тогда прасуда человек окажется на коммунистов, каждый выметет из предательских рук винтовку, которая может надеяться в грудь его сына...

...Справа шумело море. Олять пошёл дождь, вода потекла за поруб работы, и Издору, перебрывая лачемы и подывая воротник старого, ставшего чремерзлым широкого плаща, вспоминал, что сегодня с утра он ничего не ел. Наконец, впереди мороз засветился маленькое окошко домика, который зымаля старый приятель Издора, железнодорожник Симон Гривелья, тоже корейной марсаец.

К разочарованию грузчика, Симон, узнав о случившемся в доме, не выразил ни удивления, ни возмущения, которых Издору ждал от друга.

— Знаю, знаю, всё знаю, — с непонятной добротью встретил его Симон. — Я знаю и то, о чём до тебя ещё, наверное, не дошли вести. Проходи, проходи, садись. Да сними плащик, а на плечи накинь моё пальто. Ну вот, дождик тебя порадует, старина.

Правление вашего профсоюза постановило: завтра с утра возобновить работу и уплатить убыток торговой фирме «Дюран, Смит и компания» за разбитые ящики и простой. Об этом уже давно известно, куда следует и постановление вынесено от имени всех членов профсоюза, в том числе и от твоего, дорогой мой друг Издору.

— Как? — медленно поднял он с места Врэмугали. Лицо его стало белым и покрывалось потом. — От моего имени? От моего имени говорить то, чего я не думаю, чего не хочу? Да ведь ты всё равно, что... всё равно, что пойти в ресторан и сказать потом голодомую соседу: всё моё, мороз, сползало лозинкой по пальцу, а ты съел... — Издору даже захлебнулся от ярости.

— А чего же ты ждал от твоих добрых руководителей? — усмехнулся Симон.

— Чего ждал? Вот чего я дождался! — вместо точного ответа крикнул грузчик и, достав из большого кармана свою профсоюзную книжку, стал с бешеным рвением врать её в карман.

— Что же, неплохое предложение для друзей, — засмеялся Симон. — Но я всё-таки думаю, что надо у почтовой фирмы «Дюран, Смит и компания» сорваться.

Голубые выцветшие глаза его заблестели, а радужные прокуренные усы ветропорхали.

— У тебя ещё есть деньги? — спросил Издору.

— Есть, и от старого друга я его не скрою. Слушай внимательно. Ваши грузчики из Конфедерации труда объявили забастовку. Я тебе скажу больше: завтра с утра из солидарности с ними прекратят работу и железнодорожники, а вместе с ними служащие и рабочие трамвая, угольщиков, кановички и рабочие всех портовых мастерских. Если понадобится, к нам присоединятся рабочие электростанций, водопровода, почты, телеграфа и телефона, и город останется без света, тепла, воды и связи. Я тебе обещаю ещё больше: Марсель и Париж выпаралят свои единственные оружия. Наши парни пансионатами его попустят: место для наших «школьных пеналов» найдётся.

Словно гигантскую волну выбросило на берег свирепым штормом, и вот откатилась волна, и потоками, ругаями, ругачками, тонкими стружками, шушра, бежит вода по береговому песку, — такон бы Марсель в то ясное раннее утро. По улочкам, уаидям

и бульварам толпы народа стягивались к широкой Канебер; а оттуда в порт, где сквозь дыры окон и пробинии, оставленные американскими «освободительными» бомбардировками, светилась бледногубое небо.

Перед горой ящиков, оббитых верха полицейскими у грузчиков, возназ взвод солдат, от берега отваливая погруженными ими баркас. Мощная алдская стена всё приближалась к солдатам, всё громче доносились всеёлые крики.

— Эй, служилые, с каких это пор начальство разрешило вам совмещать государственную службу с частной? Долларам, бритакам в золотых франках платит вам фирма «Дюран, Смит и компания»?

Солдаты растерянно посмотрели на сержанта, тот нахмурился и крикнул, чтобы они выполняли приказ. Демонстранты подошли владую.

— Ну, что ж, начальник, — зазевала чей-то высокий крик. — Может быть, и ты выполнишь приказ, разрядишь обшум в «буштовщиков»?

Сержант сердито владую, махнул рукой и, подтянув штаны, молча шагавал напрова, где вдали христианские нижние этажи старых домов были занята портовыми кабачками. Солдаты салались с толпой и подхватили «Марсельезу».

Врэмугали, приближаясь на пристань одним из первых, увидев отходящий к рейду баркас, оттолкнул от моторного катера его босонного хозяина, быстро перебежал на баркас, на корме которого человек десять солдат с волеванием и тревогой селили за тем, что творилось на берегу.

— Эй, мореходы, поворачивай ваш дрейфот назад! — торжово кричал и сложил руки рупором, окричав Издору. — Эти железные штуки пригодятся и в Марселе.

Солдаты, наблюдавшие, как их товарищи бросили барок, нерешительно переглаживались.

— Вы что, орудьями, парни? — гремела голос грузчика. — Вы не видите, что делается? Вы думаете, что от моих земляков вам удастся спрятаться хотя бы и на дне морском? Поворачивай!

В это время один из «чагентов», за которым вчера селила Издору, быстро бросил руку к заднему карману брюк. Издору свирепо крикнул:

— Если ты шевельнешься, красная нос, я из тебя сделаю котлету!

Но он не успел и докончить фразу, как оба полицейских, получив по хорошему тумзку, свалились на дно баркаса. Баркас поворачивался, впрочем, не прикладывая усилий, и начал вытаскиваться на берег, он увидя, как от пристани сплошным строем отходили моторные лодки, яхты, рыбачьи суда, шаланды, парусники, челноки.

Разнокашерная и разноэтажная флотилия эта быстро окружила широкий корпус «Надежды», уже разрозненной парм, и между матросами и демонстрантами начался тот исполненный самой отменной важностью разговор, который ушлившись только в Марселе.

— Ловко же вы, шутники, провади нас, протаски! Мы-то думали, что вы обыкновенные матросы французского торгового флота, а вы вот так чешовая кришка!

— И вы — синовые бароны.

— И у каждого из вас есть собственный роль-рой!

— И выкапсания выла!

— И тотчас чешовая кришка!

— И ваншубатейшую собственность вы долтжны защищать, потому что отвратительные слабени хотят вас бедняжек, всей этой раздолбной ашпата!

От бортов бёсая такой дикий хохот, что чайки в испуге сразу жинясь над «Надеждой». Даже востроилась старых друзей. Издору и владую тут же забедка, кран надна перераскавать громадную сетку с грузом из трюма на палубу, и тяжёлые ящики полетели в воду.

А когда всё было кончено, необычная толпа демонстрантов направилась к заднему морю. Пестрели и козырялись над толпой трёхцветными красными транспарантами, флаги, украшенные живыми цветами, портреты марсеельцев, погибших в фашистских застенках и в партизанских боях. «Марсельеза» сменилась «Карманолой», то тут, то там вспыхивали торжественные аккорды «Интернационала». Аица лодки, надсадившиеся на голодном пайке, горели воодушевлёнием, над толпой летал звонкий, стаивающий, чудесный смех...

★ Главная уаидя Марсели.

ПОЧЕМУ ОНИ НЕ ИМЕЮТ КРОВА

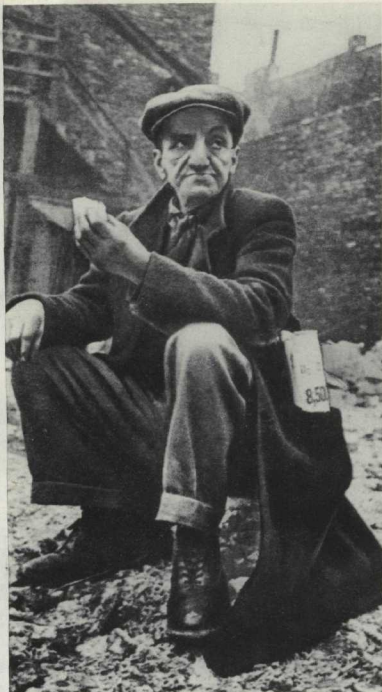

Несчастный беднягой устроился на ночлег на вентиляционной решётке парижского метро, откуда идёт тёплый воздух (Снимок из мексиканского журнала «Темпо»)

Потому что миллиарды народных денег, которые можно бы было использовать для жилищного строительства, тратятся на сооружение военных заводов, на производство зтомных бомб, на финансирование подготовки войск против Советского Союза и против народной демократии.

На деньги, которые расходуются в день на войну в Индонезии, Вьетнаме, Малае, можно было бы ежегодно строить: в Голландии — 3 больших здания; в Австралии — 25 десятков клубов; или 24 общежития для молодежи на 1200 человек.

В Америке — 210 жилых домов или 8 больших школ. Маленькая Бельгия тратит на подготовку и войну 12 миллиардов франков, т. е. 1400 тысяч франков в час. Если бы эти средства обратили на жилищное строительство, в стране каждый час вырастал бы 4 новых дома.

на завтра. «Завтрак» безработного из Чикаго и обычный ланч чик-гиски богачей-бездельников в фешенебельном ресторане «Эмбасадор».
(Фото из американского журнала «Лью».)

«ИХ ОБРАЗ ЖИЗНИ»...

В Соединённых Штатах Америки 18 миллионов безработных и полубезработных.
Треть населения живёт в трущобах.

Каждый седьмой американец, как признал сам Трумэн, голодает, а три четверти населения недодают. Три четверти жителей США лишены медицинской помощи. 28 миллионов человек, то есть каждый шестой, страдает какими-либо хроническими заболеваниями.

На 15,3—25,5 процента упала реальная заработная плата рабочих с 1944 года и продолжает падать.

И в то же время горстка богатей присваивает свыше 40 процентов всего национального дохода. Лишняя доля всех богатств страны находится в руках 60 семейств аристократов.

Для них война — это бизнес, на котором можно хорошо «заработать». Прибыли капиталистических

монополий в 1948 году по сравнению с 1939 годом возросли более чем в пять раз и достигли 21 миллиарда долларов, а в 1949 году увеличились ещё на 7 процентов. Крупнейшие из монополий, как, например, «Дженерал моторс», получили в 1949 году прибыли почти в полтора раза больше, чем в 1948 году.
Роскошь, расточительство, влущение американского общества не поддаются описанию. А. М. Горький справедливо писал, что «американский обжора встал от мадриости в идиотизм и с диким рёвом сюта пожирает людей и нервы людей». Достаточно убедительным свидетельством этого могут служить факты, приводимые Ф. Ландбергом в его книге «60 семейств Америки». В глазах, носящих характерные названия: «Плоская смерть», «Изничтожения среди ницетов», — Ландберг сообщает, например, о таких «дорого-

стоящих, вабалмошных выходках класса бездельников».

Миллионер Уильям Рэндольф Херст закупил в Европе ряд землёв и передал их в Соединённые Штаты. Семейство известного химического «барона» Дюпона имеет в штате Делавэр 24 загородных имения. В этих имениях содержится целая армия слуг. Семейство Дюпона, по далеко не полным данным, имеет свыше 500 автомобилей, 30 яхт. Стоимость дворцов, принадлежащих семейству Дюпона, оценивается в 150 миллионов долларов, дворцов Вандербилтов — в 125 миллионов. Пьер Дюлон приобрёл для своего сада куст стоимостью в 25 тысяч долларов. Богач Уиттер Мейер в одном из своих имений содержит 167 славонинов. Коношины жены автомобильного фабриканта Слэуна оцениваются в миллион долларов.

В. И. ЛЕРОУ

Гвардии подполковник Муса Гареев, дважды Герой Советского Союза, депутат Верховного Совета СССР.

НЕ ДОПУСТИМ НОВОЙ ВОЙНЫ

В те дни, когда война подкатилась к стенам легендарного Сталинграда, я совершил свой первый боевой вылет. С тех пор и до конца войны мною было совершено свыше двухсот вылетов. Родина высоко оценила мою боевую деятельность, дважды присвоив мне звание Героя Советского Союза.

Теперь, когда советский народ ведёт поистине героическую работу по восстановлению и развитию своего хозяйства, англо-американские империалисты замышляют и подготавливают новую войну. Но мы, сторонники мира, не допустим этого преступления. И если враги человечества навяжут народам войну, победа будет за нами, силами мира. Мы победим потому, что правда всегда побеждает. Мы победим потому, что фронт сторонников мира сильнее, чем мучка поджигателей войны. Мы победим потому, что во главе лагеря борцов за мир стоит величайший человек всех времён и всех народов — великий Сталин.

Муса Гареев

О П Р А В Д А Е М Д О В Е Р И Е Н А Р О Д А

Гвардии полковник П. В. Шутлов, Герой Советского Союза.

В годы Великой Отечественной войны советские воины показали невиданные примеры благородства и гуманности. Вспоминается мне такой случай. В бою за Витебск, под деревней Котова, подразделение части, которой я командовал, резко вырвалось вперёд. В самый разгар боя на окраине деревни появился взвод обмундированной отступающей пехоты — фашисты. Один из наших артиллеристов, пренебрегая опасностью, бросился к нему на помощь и вынес его из огня. Этим смельчаким был командир дивизиона капитан Абайдулин.

Надолго останется в моей памяти этот бой. Наша артиллерия порботала на славу! От полка немецкой мотопехоты уцелели лишь жалкие остатки, обращённые в боевую добычу.

Советские артиллеристы, обогащённые огромным опытом Великой Отечественной войны, как и все Вооружённые Силы нашей Родины, стоят на защите мира и безопасности Советского государства.

Советские люди могут смело положиться на своей детнице — победоносную армию страны социализма, являющуюся грозой для всякого рода претендентов на мировое господство.

Шутлов

А Р М И Я З А Щ И Т Ы М И Р А И Д Е М О К Р А Т И И

Гвардии полковник Г. Ф. Мусланов, Герой Советского Союза.

Правдивые люди всех стран мира справедливо считают нашу Советскую Армию армией-освободительницей, армией защиты мира. Свои высокие моральные качества она продемонстрировала перед всем миром во время Великой Отечественной войны.

Много городов и сёл прошли мы в Европе, неся освобождение народам от ига фашистской оккупации. И всюду, где бы ни появлялся советский воин, население встречало его радостно и восторженно, как своего спасителя. В каждом городе, в каждом селе нас обнимали, качали на руках. Увлечённые сединами люди многообразной Белоруссии встречали нас по старинному обычаю — с хлебом-солью. Они целовали землю, куда ступала нога воина-освободителя. Так же встречали советских воинов в Праге и Будапеште, в Варшаве и Бухаресте.

Народная любовь всегда вдохновляет на новые подвиги. Помните, как в августе 1944 года перед нами поставили задачу — очистить участок фронта до пограничной реки Шешуна. Среди воинов развернулось боевое соревнование: кто первый наполнит свою солдатскую фляжку водой из пограничной реки.

В жестоком соревновании мы отстаивали честь и независимость своей Родины и спасли народы Европы от порабощения. И теперь, когда англо-американские империалисты готовят новую войну, нам хочется сказать громким голосом: «Одумайтесь, господа, иначе крепко пожелаете!»

Мусланов

Г. Яблонский

**ОТСТОИ
ЗАВОЕВАН
МИР**

Наши в Праге.

(Всеобщая художественная выставка 1949 года).

А в это время чешская красавица-столица шумела радостным праздником.

Злата Прага...

В этот день она была действительно золотой. Словно все предыдущие весны, украденные у неё оккупантами, сейчас возвращались к ней с утренней звонкостью, розовым солнцем, половодом музыки.

Шумные человеческие реки затопили пражские сады, улицы, площади. Торжественно выстроилась вдоль проспектов зелёная стража каштанов — почётная стража весны.

Стоит на Староместском майдане врезанный в века Ян Гус, осматривает свой старинный град. Ещё никогда этот славянский город не был таким молодым и солнечным. Ещё никогда такой счастливым шум не клочкотал здесь от края до края...

Стоит на Карловом мосту гигантские фигуры двенадцати апостолов, смотрят на ярко разукрашенные набе-

режные, на спокойные воды синей Влтавы. Сегодня Влтава не хмурится ни одной тучкой, потому что не хмурится небо над ней. Уже не падает тень на Злату Улицку, узкое и извилистое убежище средневековых мечтателей-алхимиков... Сегодня она стала по-настоящему золотой, не в мечтах, а наяву. Сегодня она как будто стала шире и выпрямилась, вышла в зальные солнцем проспекты.

Стоят на проспекте имени Сталина десятки тысяч пражцев, ещё бледных от хронического недоедания, буйно опьяневших от чистого воздуха свободы. Прекрасный проспект, которому народ сегодня дал имя освободителя, очищается от баррикад, становится просторнее, вытягивается вдали, убегает куда-то за город, будто к самому солнцу. Прага звенит, поёт, празднует победу...

(Отрывок из романа А. Гончара «Злата Прага»).

Америка глазами американца

МЫ НЕ ХОТИМ ВОЙНЫ!

Я сижу у окна в своей восьмисонной комнате. Впервые солнце пробивается сквозь зелёную юбку свежесвысаженных деревьев — их привнесло сюда ветром из травянистых и яркими в землю среди рощей глады асфальта.

Там, впереди, над крышами домов уже несколько месяцев на глазах моих всё выше и выше поднимаются стальной каркас огромного здания. По черёму на его железных колоннах, высоко над городом, всплывают яркие звёзды элестроэтан — светящие звёзды наших мирных людей.

Город мой, он живёт своей спойной трудовой жизнью! И снова утреннюю песенку пробуждающейся Москвы в вину, как в солнце, ещё охваченные весенней дрибой поля выходят тракторы, выворачивая чёрные, застывшие волны ириной земли. Я в вину, как далекодалено, вдоль бесчисленных рек и дорог, озарённые солнцем, поднимаются дубки и ясени на высаченных нами поляхстальных покосах. Мирно жукует ваводы, они выпускают дробные вещи, необходимые нашейму народу. Мирно шумит сибирская тайга, она выводит из леса, за десятии тысяч километров, на берегу Охотского моря, уже в наступающих чертахх сумерек причаливают к берегу рыбаки. Лёгкие их суда доверху заполнены живыми серебром плещущихся рыбками. Так начнется день моей Родины.

И в этот час мысленно мы обращаемся к своим зверинкам за рубежом.

Он тоже начнёт свои будничные, рядовые дела, простые люди мира.

Я не знаю их лично, тысячи тысяч миллионов людей. Я не знаю их их личных вкусов и увлечений, их вкусовых и надежд и идеалов и стремлений, я могу лишь догадываться о них.

Но и введо одно, и твердо знаю это: есть такие вещи на свете, которые прочно связывают всех нас: мы хотим мира!

Большого всего всем нам нужен мир, ибо мы знаем, что такое война и что такое война!

Я сам был солдатом. Мы намертво стоим у стен Сталинграда. Пепел Варшавы держал я на своих ладонях. На смеренные взрывом фермы моих Буденных укреплений мы доси переправы через Дунай, и венгерские женщины первыми вылезли по этим доскам в поисках своих детей. В двидесящем Берлине я видел ребят, уже разучившихся плавать.

Мы знаем, что такое война, исповни разлазены Ковенны, воиномы рывали над головами дождем, искромсанные берега Нормандии, израненную бронзу пранских памятников.

Мы знаем, что такое война, не видя рядом с собою друзей и товарищей, которые тоже могли бы нас любить, уважать, любить и светиться. Они похоронены в беззастенчивых, разбросанных по окрестным дорогам, по сдам и городам Европы. Там их поноуют земля, а прах сожженных в печах Дахха и Магддена развев по ветру, и мы не можем забыть того, что было.

Мы знаем, что всем нашим народам юноши и девушки Советского Союза заветы великого создательского труженика.

Мы хотим, чтобы нам никто не мешал. Мы хотим спойной работы, добросовестно учиться, заниматься искусством и спортом.

Мы хотим, чтобы между народами не было вражды.

Мы хотим, чтобы никому больше не было войны. Этого не хотят честные люди всего земного шара, без различия расы, национальности, политических убеждений и религиозных верований.

Но не все думают так же, как мы, простые люди. Могучая капитализм, размирение на крови и бедствиях народов, в погоне за ещё большей наводой, хотят раздать новую войну. Атомной бомбой грозят они уничтожить города, истребить миллионы мирных мужчин и женщин, стариков и детей.

Военными базами опутали они весь земной шар. Военными маневрами и провокациями ослепляют они моря и сушу нашей планеты. Мы подгнивали войной забывают об одном: в наши дни нельзя воевать против воли простого народа.

И этот народ твердо, сурово и уверенно должен сказать «нет!» любым подвигателям войны.

Но только ненавидеть войну, не

которую я учился. Это было за несколько лет до войны. Мы читали эти письма, в которых американские студенты рассказывали о своей мысли и проповеди новейшей интерес и тому, как живая мы.

Много было утешю с тех пор. Поступила мы, наводни, изменились и они, но я твердо помню их горячие слова друзей и верю в них. Такие слова не бросают на ветер. Где б они ни были сейчас, вместе с нами они должны стоять за дело мира. И я жду их подписей под Обращением Постоянного комитета Всемирного конгресса сторонников мира о безусловном запрещении атомной бомбы, как оружия агрессии и массового уничтожения людей.

Я обращаюсь мысленно и к тем английским детям, которых наш полк освободил из фашистского концлагеря под Вратиславой. Только что назначенный командир города, майор-украинец с осунув-

Они хотели хранить, как зиничу она, и крепить мир и дружбу между английским и русским народами. Сдержали ли они свою клятву? Я вспоминаю друга детства Николая Павла — всёего юношу из Марселя. Мы вырвали его из плена под Венной. Показали ему мир, как он за рубежом советской автомашины, заменив водителя при освобождении Мана младшего лейтенанта Николая Седых. Я хорошо помню всеёкие шутки Жана, почти детскую его экспансивность, его горячую любовь к Франции. Почти через каждые полчаса он вынимал из своего ранного пиджака знаменную фотозащитную миллионный девизы и с гордостью показывал нам её. У нас тоже оставались любимые девизы в России, и мы помнили его радость.

Где он сейчас? Нашел ли он свою Мадлен? Я верю: он не может не стать за мир!

Я вспоминаю и молодую писательницу из Мельбурна, приславшую письмо с адресом «Иому-нибуду из молодых писателей Москвы». Я читал это письмо. Мне запомнилась фраза: «Нет, эти страшные дни войны мы с мужем не могли позволить себе роскошь иметь ребёнка. И только после того, как я вернулся, и мне пришла весть о вашей доблестной победе под Сталинградом, мы помнили, что час пришел, и я пришла к вам в нашу матушку. Не знаю, что делает эта писательница сейчас, она назвала она себя в письме, но имя моего сына или дочери все свои силы она должна отдать борьбе за мир. Это дело писателя, человека, матери.

Вспомнил мне и безогонный молодой немец, которого встретили мы по дороге в Мельбурн. Он стоял тогда у обочины весь в пыли и, стирая грязный платок с лба, говорил со слезами: «Я не хотел бы, чтобы вы видели в моих руках новые приемыльные юности. Сердобольный шефёр Гутсгаузен предложил мне: «Накай садитесь, подвезём одногого». Его звали Курт. Как странно поносили он тогда войну, как горячо прощала день и час, когда ступил на нашу землю, как призывал все народы неба на головы организаторов этой войны. Не знаю, как поверить в искренность этих слов. Нельзя усомниться, что Курт отдаст свои силы делу борьбы за мир.

Вспоминаю я и встречу с четой молодёжиной где-то за Буаляштом. Это была девушка и мальчик, не черешки. Ветер свывал и кружил в воздухе бесчисленные лепестки цветов, и в этом розовом облаке нам навстречу шли и шли десятки, сотни, тысячи освобожденных советскими войсками людей. Не было пыли, пороха, сраны, французские, румыны, чехи. Парень громко пел какую-то песню, бормотал тоненькую, как цветочек, девчушка — народная итальянская мелодия. Мы разговорились на каком-то французско-немецком языке. Не было смешанного языка, говорили мы между собой о счастье, о любви юности, итальянцев и девушки-белки.

Где они теперь? В Италии или в Белгии растёт детство? Или в Париже всё счастье? Он так жандил мир, что не могут не бороться за него, как за своё собственное счастье. Я вспоминаю и друга детства, тех людей, которых я называл, но и сотни других молодых людей, с которыми случалось становиться знакомыми. Явиваю жить. Да, они против войны. У них хватит сил остановить войну, у них хватит сил превратить войну на вирную жизнь человечества. Мир победит войну!

БЮДЖЕТ СМЕРТИ И РАЗРУШЕНИЙ

Вот как выглядит государственный бюджет США на 1950—1951 год, предложенный президентом Трумэн.

76 цент на каждого доллара предназначается на военные цели и только 1 цент — на народное образование и науку и менее 1 цента — на здравоохранение.

Свыше 30 миллиардов долларов ассигнуется на подготовку и войну на производство вооружения, закупки военной техники, содержание армии, вооружение маршаллизованных стран Европы, строительство военных баз и аэродромов и т. д., — что в 5 миллиардов долларов превышает военные расходы 1948—1950 года и в 20 раз — расходы 1938—1939 года.

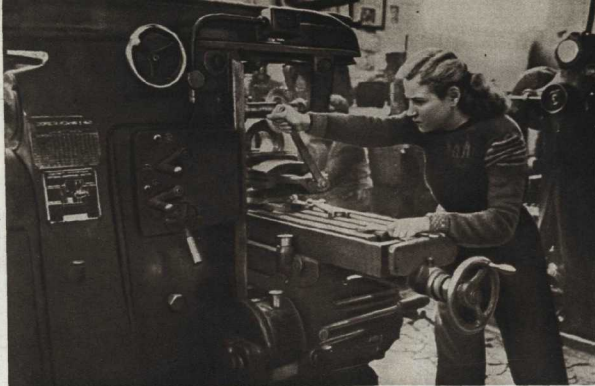
Лиходорогая гонка вооружений происходит и в странах Западной Европы. Великобритания израсходовала в 1948—1949 году на военные цели 3 миллиарда долларов против 1,4 миллиарда в 1938—1939 году; военные расходы Франции за тот же период возросли с 800 до 1500 миллионов долларов, Бельгии, Голландии и Люксембурга — с 350 миллионов до 1 миллиарда, скандинавских стран — со 100 до 500 миллионов долларов.

жалеть её — этого ещё мало! Молодым людям не надо бояться и пытаться обратиться к ним. Крепкие и розовощекие, как запасные футбольной команды, стояли они против талантливого майора добродушно улыбаясь.

Я обращаюсь в мыслях и бывшим студентам Чикагского университета, писавшим некогда письма студентам Московского института, в

лишимся от обязанности и переходов лидеров к общественной деятельности. Я пытаюсь обратиться к ним. Крепкие и розовощекие, как запасные футбольной команды, стояли они против талантливого майора добродушно улыбаясь.

И я навьюно ввязался в этот разговор. Я хорошо помню как они горячо говорили о своей любви и русским, принесшим им свободу.

Молодые Румынии активно участвует в строительстве новой жизни. На с н и м к е: работница Хунедорского металлургического завода отличница труда Маргарита Ионкиса, систематически превышающая нормы выработки.

Вс. ИВАНОВ

ИЗ РУМЫНСКОЙ ТЕТРАДИ

1. «Кому хочешь рассказать»

У входных касс выставки промышленности СССР огромная очередь — букашкины жидкой. Рабочие, студенты, торговые служащие, ремесленники, актеры, домашние хозяйства — стар и млад — закупают трюфль и улитку, спориле, шумели, переговаривались, а кассе-то и пал. В окошечках касс с неизменной быстротой мелькали руки продающих билетов: издавалось, что тысяча билетов выдавалась в минуту, а между тем очередь всё увеличивалась и увеличивалась.

Автобус, вознивший многогородки экскурсантов с вокзала, пронизительно и непрерывно гудит, обгоняя очередь. Он остановился, но доезжая метров тридцать до входа. С тем повышенным вниманием, возникоциция у вас за границей ко всему, что имеет отношение к нашей советской Родине, мы спросили: «А почему бы не устроить подъезд автобусов ближе к входу?»

Тут оказалось, что экскурсанты-крестьяне сами потребовали остановки автобуса.

И тогда кто-то из нас, весьма нечестивый в художественной литературе о крестьянах, попытался потребовать объяснений:

— Крестьяне впервые на выставке. Ну а если крестьяне, то им, естественно, хочется предварительно потрогать, как и что. Как они попадут, а поля, как выглядят, что им делать дальше? Люди деревенские, они и думают: «Экскурсовод экскурсоводом, а вода и он, пожалуйста, способен заблудиться в этой ситуации!»

Суждение для знающих классическую художественную литературу о заботах крестьянских робчиц в городе, совершенно пра-

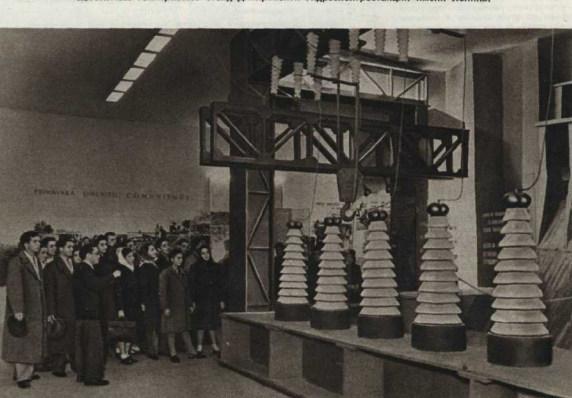
вильное. И совершенно неправильное для всех, кто хоть немного знает о тех глубочайших социальных изменениях, которые свершились в странах народной демократии. Изменился и город, изменился и деревня, изменилась вся земля их. Эта земля — будь то земля румына, болгарина, чех или поляка — стала подинно его землей, деревня стала его деревней, город — его городом, а сам он стал человеком в лучшем и высочайшем значении этого слова! Человек страны народной демократии меняет лицо своей земли, меняется он и сам.

Крестьяне разбались на группы. Каждая из них представляла свою

деревню. И каждая была подобна экипажу корабля, подошедшего к далеккому и чудесному берегу. И они глядели, не отрывая глаз, туда, где из-за вершин деревьев виднелась выгнутая, серебристо-блестящая под утренним солнцем крыша просторного выставочного здания, над которым на высоком, металлическом, шесте реял алый советский флаг. Там, под этим флагом, социализм, победивший и побеждающий асесчелю! Там, под этим флагом, шумительные картины социализма, его машины, книги, сами люди социализма!

Несколько молодых людей развёртывали знамя. Надпись на

Большим успехом в Бухаресте пользовалась выставка, отражающая жизнь Советского Союза. На с н и м к е: посетители осматривают стенд Днепровской гидроэлектростанции Ленинга.

них были крупнее или мельче, землёна длиннее, шире или выше, но слова на них были одни, и эти слова, даже не читая на знамёнах, можно было прочесть в глазах каждого крестьянина:

«Тройская приютная румыно-советская» — «Да здравствует румыно-советская дружба!»

Старга женщина в белом платье, украшенном кружевами и затейливой вышивкой, несколько похожей на нашу украинскую, в платье, тщательно вышитою и ни каплей не смывавшейся во время продолжительного пути, размазывая бумажкой, видимо, слезы, приближалась, багала от грусти к группе. Это был одиозно-творичный раскусок. Узедные руководители поручили ей провести крестьян по выставке и показать

Вся. Высокая стройная девушка ослобждает из газетного листа букет живых цветов. Кому она их поднесёт? Какому заводу Советского Союза, какому колхозу или совхозу, какой школе или университету?

Чуть подавая от неё плечистый старик с пыльным, побуревшим от табака усам. Старик держится по-молодецки: он откинул назад голову, руки упер в бока, шапку сдвинула на затылок так, что чуть ещё голову повыше — и шапка свалится. Старку минуло лет на нём плащ из парусины, из-под которого виднеется заплатанный мундир, станутый широким ка-левнерным ремнём. Весь его вид говорит: «Ну, разумеется, жизнь превалила самые пыльные мечтания. А разве это плохое?»

Литографский рабочий с ланкой платочка на плече, проходил мимо старика, с любовью оглядывая его и спрашивает:

— Откуда приехал, дядя?

— Седой кавалерист отвечает:

— А кому хочешь рассказать?

— Сначала для себя, а если интересно, и всей литографии расскажу.

— Для тебя одного — один рассказ, для всех — другой, хотя содержание одно и то же.

— В чём же будет разница?

— Со знакомым говорю тихо, с народом — полным голосом.

— А-а-а, Говори тогда для всей литографии, так и быть.

Старый калеварист не знает разницы между литографией и литографией. Слова положены, а литографией. Слова положены, а литографией печатают книги и журналы для всего народа, и, таким образом, говоря с типографией, имеешь возможность говорить со всем народом. Кроме того литографичка казалась ему ладным вполне положительным — он передает типографии. И старик сказал торжественным голосом:

— Ты спрашиваешь: откуда мы? Я мог бы тебе назвать свой село или уезд, но вернее будет сказать: мы из Румынии. Мы собрались сюда, крестьяне, со всей страны, чтобы посмотреть на дела страны социализма. Уже приближались к воротам выставки, мы всем сердцем поняли, что, строя социализм в своей стране, мы приблизились к великой стране социализма. Нам дуалась, что мы входим не только на выставку, мы входим в дом к нашим старшим братьям.

Помоная немного, старик добавил:

Об этом, сынок, ты и напишешь у себя в газете или книге. Литографичка рабочий приподнял шляпу и отошёл. Мне показалось, что он несколько смущён. Тем временем строгая женщина с булавкой в туге выстроила крестьян рядами, взявнула рукой — она оказалась не только руководителем делегации, но и регентом хора — и крестьяне двинулись вперёд. Завывая был сельский козлик, рослый мужчина с громадными руками, изъеденный кислотами от различных красок, которыми он красил кожу. Пели крестьяне превосходно. Все улыбнулись от удовольствия, как один человек.

И вообще это были превосходные чудесные люди. Сколько в каждом из них молодости, невинности, душевной чистоты! Глядя на них, слушаешь, и кажется, что даже машины на выставке ставили для них работать ещё лучше, ещё быстрее.

—Крестные шёл.

Это единое движение многих тысяч, это единое движение было движением и духомом всех стран народной демократии, идущих вперёд к социализму. Над людьми, машинами, деревьями, зданиями ревели, развартывалось и свертывалось с лёгким шипением шестолет всеобъемлющее и прекрасное знамя идей Ленина — Сталина.

2. «Эти товарищи из Ясс»

В тот вечер все мои спутники по делегации деятелей советской культуры или выступали в клубе или осматривали различные народные учреждения и промышленные предприятия Бухареста. Одного из них я застал говорящим речь в обширном зале театра; другой что-то слушал, записывая, возвращаясь среди белых халатов учёных в Институте эндокринологии; третий осматривал музей в Булавеску, действовавшего революционно-национального движения; четвёртый был среди многочисленных стэндов выставки «СССР во главе борьбы за мир».

Когда я входил в зал театра, меня остановила хрупкая молодая женщина с двумя длинными и толстыми косами цвета воронова гнёзда и с серыми широко раскрытыми глазами. Конфузась и толкая вперед трёх мальчиков, одетых в короткие чёрные курт-

ки, она спросила, где находится мой спутник, который сейчас осматривал Институт эндокринологии.

— А кто вы? — спросил я, сказав, где он находится.

Хрупкая женщина ответила, и ответ, по-видимому, отоспикся и мной и к трём мальчикам в черном:

— Эти товарищи из Ясс. Я слышал через час, мне предстояло выступить на митинге рабочих-трамвайщиков Бухареста, а мне нужно было заехать и в Институт эндокринологии, и в музей Балческу, и на выставку. Поэтому я не успевая спросить, что здесь делают «эти товарищи из Ясс» и почему им нужно попасть в Институт эндокринологии, который осматривал мой спутник.

Подле Института эндокринологии я опять увидел хрупкую женщину с длинными косами и трёх мальчиков в чёрном. И опять она спросила меня о спутнике моём, который осматривал музей Балческу. Я сказал:

— Однако вы спешите. — Да, мы спешим, — ответила хрупкая женщина. — Мы этой же ночью уезжаем обратно в Яссы. Эти товарищи из Ясс, — повторила она.

В дальнейшем получила я встречи «товарищей из Ясс» и в музее Балческу и у стэндов выставки «СССР во главе борьбы за мир». И, повторяю, торопилась. Меня возила быстроконная машина. А за эти четверо на самолёте летают, что ли? — думал я. — Всюду они приезжали вместе меня, а выходяли почти вместе со мной. Просторная женщина, да и паренки хорошие. Но что им нужно от нас? Выспрашивать не выспрашивают, — значит, не журналисты. Автографов не просят. Между собой говорят задушевно, но видно, что не родственники.

— Возле входа в трамвайный парк, где должен был происходить митинг трамвайщиков, моих четверых товарищей из Ясс не оказалось. Неужели опоздали? И мне чуточку даже как-то стало жаль их. Такие проворные и занятые ребята — и вдруг опоздали!

Но я ошибся. Они приехали раньше меня. Они находились дальше, в глубине двора, позади рабочих в синих комбинезонах, которые, выстроившись двумя шеренгами, каждый с поднятым вверх кулаком — символом пролетарской борьбы, — встречали советских гостей. «Товарищи из Ясс» тоже подняли вверх свои кулачки и застенчиво радостными голосами провозгласили славу Советскому Союзу и товарищу Сталину.

У меня было несколько свободных минут, и я отскочил помещению трамвайного парка, превращённом в зал, украшенный портретами вождей, лозунгами, зелёными гирляндами, живыми цветами, где находилось не менее пяти тысяч рабочих — шумных, весёлых, аплодующих, — мои «товарищи из Ясс» чувствовали себя превосходно. Они сидели на каком-то высоком столе возле репродуктора, переключаясь с людьми из толпы, что-то пели; один из мальчиков в чёрном размахивал красным флажком и сияющими глазами глядел на трибуну.

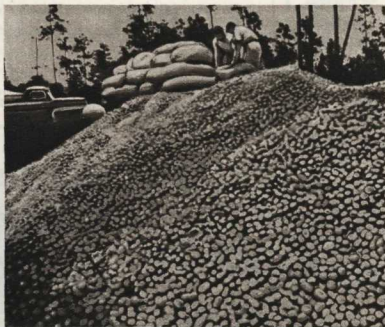
— Кто вы? И почему вы от-

(Окончание см. на 12 стр.)

ГОЛОД СРЕДИ ИЗОБЛИЯ

Тогда как миллионы американцев голодают...

...тысячи тонн продовольствия американцы уничтожают. На снимке: картофель, отравленный ядовитым, в штате Алабама.

(Из американской газеты «Делли Уорнер»).

Американские газеты в последнее время всё чаще помещают такие объявления, которые вызывают у каждого честного человека чувство ненависти к капиталистическому строю, образующему миллионы трудящихся на исцельные мучения. Газета «Нью-Йорк джорнал энд Америкэн», например, печатает объявление о том, что доведённые нуждой до отчаяния родители продают четверых своих детей, чтобы таким путём спасти малышей от голодной смерти. Другая газета печатает объявление о том, что американцы Балчир из штата Акрон, для того чтобы прокормить семерых детей, продаст свой глаз.

И это в «прославленной» Америке, самой богатой из всех капиталистических стран, где сыпавши и выкопаны ловятся от товаров, не находясь большинству трудящихся.

Но это мало беспокоит американских монополистов: что люди, когда речь идёт о долларах! Чтобы удержать высокие цены, бизнесмены находят своим товарам рынки маршаллизованных стран, а то и попросту варварски уничтожают огромные ценности, созданные трудом народа.

Министерство земледелия США решило в 1950 году уничтожить 1360 тысяч тонн картофеля и распорядились сократить на 23 процента посевные площади хлопца. На «работы» по уничтожению картофеля за последние годы израсходовано полмиллиарда долларов.

«Товарная кредитная корпорация» уничтожила 140 миллионов дозюн свиных янц. В штате Калифорния в пещере до 20 тысяч тонн чернотина. Дорогой калифорнийский огонь пущены на юр... свиным...
Таков паразитический облик прелестного «американского образа жизни», такова паразитическая сущность империализма, распылтая гением Ленина ещё много лет назад.

символы моих спутников! — слышишь ты у молодой хрупкой женщины с чёрными косами.

— Мои товарищи из Ясс — отвечала она серьёзно, без улыбки.

— Ну, а помимо территориального обозначения?

— Помимо территориального?.. И она так быстро заговорила, что мой переводчик едва успевал передавать её мысли.

Моя фамилия Пolesку. Эти товарищи — дети рабочих из железнодорожных мастерских в Яссах. Я учительница, а их учу. Собственно, учительницей я только год. До этого я была трамвайной водителем... Мне было так страшно хотеться и самой учиться и других учить. Вы не можете себе представить, какое это удовольствие — раскрывать неизведанному, своему умному человеку, который ты ещё три месяца назад никак бы не могла понимать и которую сейчас асы, почти что всю понимаешь! И с каждым часом всё больше книг, всё шире мир, и всё лучшее ты себя чувствуешь в мире!.. Удивительное чувство. И эти удивительным, прекрасным чувством мы целиком обязаны Красной Армии, Советскому Союзу...

— Ста-лин, Ста-лин, Ста-лин!... — начали скандировать все пять тысяч человек с такою силой, что, казалось, дрожали и стблбились от звука голосов железные балки над нашими головами.

— Ста-лин! Ста-лин! — махая в такт рукам, подхватили четыре товарища из Ясс.

Когда голоса утихли, девушка продолжала:

— Я могла учиться благодаря Красной Армии! И я стала учиться. То есть я работала, водила вагоны, но могла учиться. Я окончила училище, мне дали звание учительницы, а его принесла домой моим отцам... ужасно это было радостно! И затем меня направили в Ясс, чтобы учить детей рабочих. И вот эти трое — самые лучшие ученики. В Яссах, вы знаете, есть университет. Они хотят там учиться. И они, конечно, будут там учиться... — она рассмеялась и добавила: — Возможно, вместе с учительницей, я ведь окончила только среднюю школу, и мне непременно нужно в университет... —

— А почему вы сюда, в Бухарест, приехали? У вас, наверное, каждый час на учёте?

— Част — воскликнула она. — Минута!

— Вы пропустили много часов...

— Да, да! Очень много! Даже умно подумай! А как же иначе! Мы, жители Ясс, узнали, что мы в поезде проезжаем советскую делегацию. Мы спешим, одеваемся, берём флаг — и опаздываем! Поезд уже прошёл. Что нам делать! Мы не только не поздравили наших советских товарищей, мы даже не выдали их! Представьте, как нам было стыдно! Опоздать на пять минут. И тогда мы пересмотрели весь план наших занятий, выкроили день — и приехали. И мы не только все увидели, — мы всем толпой руши. Мы очень довольны и сейчас же после митинга идём на поезд. Мы подробно расскажем всем, кто не мог видеть вас, как мы видели вас...

И тогда самый маленький товарищ из Ясс, салютуя нам флагом, сказал:

— И от имени граждан города Ясс приглашаем вас к нам — ознакомиться с городом, со всем строительством, которое проводит Румынский народный правительница на пути к социализму. Да здравствует румыно-советская дружба!

Речь была, как видите, не велика, и он хорошо звучал её и те-

перь, произнеса, был очень горд. Руки его вздрагивали, флажок колебался, но он с высоты своего роста, на котором находился, неуверенно смотрел вперёд, и его чудесные молодые глаза, несомненно, много видели впереди: расцвет и счастье своей страны, Моекску, счастье всего человечества!..

— И ещё один вопрос, — сказала я. — Каким образом вы ухитрились всюду поспевать раньше меня?

— Всем четырём товарищам из Ясс вопрос этот, повидному, доставлял живейшее удовольствие. Девушка ответила: — Большинство рабочих-трамвайщиков, как видите, сегодня пришли на митинг. Однако трамваи ходят. Потому! Потому что все, кто не попал на митинг, обязались работать неизданными тактиками. И трамвайщики работают так, что даже самые быстходные автомобили не успевают их обогнать! Вот почему мы всюду успеваем поспевать раньше вас. Трамвайщики работают в честь своей страны и в честь Советского Союза, а мы ехали, чтобы увидеть делегацию Советского Союза. Нет, теперь уж мы опоздать нигде не можем!

ГОЛОС СТУДЕНЧЕСТВА

Когда видишь всех их за одним столом, трудно представить себе, что здесь лишь несколько дней назад они занимались своими будущими делами в Китае, Вьетнаме, Англии, Румынии, Америке, Чехословакии, Италии... Их лица внимательны и сосредоточены. Они решают самые важные вопросы их жизни. Что привело их сюда, в Москву, в столицу мира?

Их привело сюда одно общее стремление, которым сейчас озабочены все просторы нашей Земли — стремление к тому, чтобы не оставить мир от проклятой кровавой войны. Это представители прогрессивного студенчества, входящие в Международный союз студентов. Они собрались на очередную сессию исполкома, чтобы сказать грозное «нет!» империализму Америки и Англии, готовящим новую войну, посягающим на демократические права народов и экономические нужды студенчества.

— Прогрессивные студенты не хотят войны, — заявил президент МСС Юозеф Громан и, зачитав текст воззвания Постоянного комитета Всемирного конгресса сторонников мира о запрещении атомного оружия, как оружия устрашения и массового уничтожения людей, первым поставил под ним свою подпись.

В торжественной тишине, повторяя про себя, как молитву, слова воззвания, его подписывают один за другим представители прогрессивного студенчества всего мира.

И вершьте эту клятву, ибо за подписью видны французские студенты, помогающие беснующему дождю, распространяющих петлю смерти с тропическим отравляющим корпусом на Вьетнаме, демонстранты на Кубе, несущих флаги против маневров американского флота в Караибском море, итальянские студенты из города Ливны, бастовавших почти целый месяц.

По выступлению делегатов демократических стран, стран восточных колоний можно понять, какая сила единства и дружки объединяет прогрессивное студенчество всего мира. «Наша дружба, наше единство», — сказала в своём выступлении Райна Гергелева, представительница студентов Болгарии, — нашего сильнее, чем атомное оружие.

В этих словах правда. Надо было видеть выражение лиц членов исполкома, когда англичанин В. Е. Раст пытался было своим

неуверенным завлечением о том, что воззвание якобы не является достаточной основой для объединения народов в борьбе за мир, уклониться от подписи. Какое всеобщее неудовольствие вызвало это заявление! Видя выгады осуждения, Раст встал за другими членами исполкома и поставил свою подпись под воззванием Стокгольмской сессии, признав при этом:

На основной сессии исполкома Международного союза студентов, на которой и имеет место представление советского студенчества, вице-президент МСС Александр Шеленин подписывается под воззванием Постоянного комитета Всемирного конгресса сторонников мира о запрещении атомного оружия.

Фото В. Савостьянова (ТАСС).

«Запретить не только атомное оружие, но всекое оружие массового уничтожения».

Борьба за мир неразрывно связана с борьбой за демократизацию образования, за удовлетворение экономических нужд студенческой молодежи. Сессия исполкома МСС выступила против усиления ассигнований на военные расходы. В своих резолюциях сессия привносила факты ухудшения материального положения студенчества в странах капитала и непрекращающегося роста бюрократизации в СССР и странах народной демократии.

Лихорадочная подготовка к войне в США и маршалловых странах, вышедших в агрессивные блоки, привела к огромному росту затрат на вооружение и к значительному сокращению ассигнований на удовлетворение нужд народа, на образование. В Италии на нужды образования выделяется 0,54 процента бюджета, в Индии — 0,89 процента. В те же время в Италии на военную подготовку идет 38,7 процента бюджета, в Индии — 50 процентов.

В Соединённых Штатах сотни тысяч студентов нетерпеливой войны — были вынуждены прекратить занятия в университетах и из-за затруднений финансового порядка. И в самом деле, как можно получить высшее образование, когда средний размер платы за обучение, питание и жильё составляет в любом университете США 871 доллар в год, тогда как официальное число населения зарабатывает меньше 3000 долларов в год, необходимых для самого скромного существования.

Несмотря на огромные разрушения, причинённые войной с фашистской Германией, во время которой было разрушено в СССР 344 высших учебных заведения, в нашей стране сейчас уже действует 864 вуза — больше, чем до войны, а число студентов возросло до 1.132.000 — на 300.000 человек больше, чем унилось в 1940 году. В Болгарии студенты из крестьянских семей составляют две трети студенчества, из семей рабочих — 24 процента, в общее число студентов увеличилось почти в пять раз по сравнению с довоенным временем. Такую же картину роста и демократизации студенчества можно наблюдать в Венгрии, Румынии, Китае, Тунисе, в Шан-Чауэни, железнодорожном центре провинции Хубэй, 62 процента учащихся средних школ — дети бедных и средних крестьян и 6,3 процента — дети рабочих. В педагогическом техникуме в Шан-Тай (Северный Китай) 83 процента студентов являются детьми бедных и средних крестьянских семей.

Московская сессия исполкома Международного союза студентов продемонстрировала единство и сплочение прогрессивного студенчества всех стран в борьбе за мир, за лучшие условия жизни и демократизацию образования. Не случайно именно в Москве прозвучал этот голос прогрессивного студенчества, ибо советские студенты вместе со всем советским народом идут в авангарде борцов за мир.

С. КРУТИЛИН

КИТАЙСКИЕ ПОСЛОВИЦЫ

Рисунки Н. Лиса

Кто больше всех лжёт? Тот, кто больше всех говорит о себе.

Человек без отечества достоин презрения.

Кто ест солёное, должен заранее готовить воду.

Лучше совсем не стрелять в тигра, чем только ранить его.

Бойся не дракона девятиглавого, а человека двуязычного.

Нет хороших доводов для плохих людей.

Это не колодец глубокий, это верёвка короткая.

Лягушку спросили: «Что на свете самое красивое?» Она показала на своего ребёнка.

Если ты ударил подлеца, вымой руку.

Человек с коротким умом обзаводится длинным языком.

Черепацы, которые охраняют от дождя, были построены в хорошую погоду.

Хижина, где смеются, богаче дворца, где скучают.

Акула будет рада, если весь мир окажется под водой.

У кого бессоница, тому кажется, что его кровать плохо стоит.

Из ста проектов богача 99 направлены на то, чтобы стать ещё богаче.

Сколько ни говори: сахар, сахар, сахар, — во рту слаще не станет.

Та дверь крепче всего заперта, которую можно оставить открытой.

Если ты боишься, что об этом кто-нибудь узнает, лучше и не делай этого.

Если ты утверждаешь, что тигр — корова, попробуй подои его.

Высочайшая башня — и та начинается у земли.

Маленькая змея, большая змея — всё равно змея.

Если ты не признаёшь своей ошибки, это значит, что ты делаешь вторую ошибку.

Если ты дважды поскользнулся на одном и том же месте, ты заслуживаешь позора.

Лучше сто раз отказать, чем один раз не исполнить обещанного.

Попавшая в западню змея всегда называет человека братом.

Сбор подписей под воззванием о запрещении атомного оружия на бухгалтерском трубном заводе «Республика». Подписывается работница Елизавета Итнюкова.

Фото В. Соболева

«Советской Россией управляют рабочие — вот почему Черчилль хочет войны!» — с этим плакатом прошли по всему городу Вудфорду (Англия) молодые борцы за мир.

(Из английской газеты «Челленджер».)

ПЕСНЯ МИРА

Полю Робону

Войною прожужжали людям уши,
Но войны этим людям не нужны.
Они спешат, они идут послушать
Слова и песни мира, не войны.

За два часа раскуплены билеты,
Пред входом в наполняющийся зал
Потрёпанные «форды», «швертолеты»
Забили прилегающий квартал.

Но были здесь мамочки пошаркавшей,
Из их кабины не вышло ни кто.
Сидели так скучающие парни
С распухшими карманам палто.

С дубинками, с верёвкой, что петлёю
Закручивалась с одного конца...
Раскатили овации

люди стоя
Приветствовали своего певца.

И песню негров он запел внезапно.
Он пел о неграх и печали их,

И становилось стыдно балмам и зале
За многих соплеменников своих.

И у людей, что на концерте были,
Быть может, слёзы пролились из глаз
Задолго до того, как наступила
В забытый зал слезоточный газ.

Кончались песни,
И каждый раз сквозь стены
На улицы летел оваций грохот.
И вперёд шли робкими полками,
Стоявшие в засаде за углом.

И в префренту шефы их в тревоге
Занонили и просили о подмоге.
Певец, всё это чувства и зная,
Не пригнувшись, а ещё сильнее
Пел:

«Человек проходит, как хозяин,
Необычной родины своей...»

Слова такие были очень смелы
И здесь, пожалуй, не совсем званы,

Но всем близка любовь, с какою пел он
Песнь дальней путь, но всем родной
страны.

И эта песня над потрясённым залом
Пыла и расходилась, как волна,
И эта песнь людям завладела,
И словом «мир» казалась им она.

И, прерывая слезотворным адом
И громом ворвавшихся парней,
Она не смолкла, а звучала радом,
И люди, замчавшие эстраду,
Всё это время думали о ней.

А что же певец?
Поёт,
И бесни будет,
И бес его звучит во всех краях,
Приунывая силы в честных людях,
Рождая страх и ярость в подполках.

И голос этот не забыть в эфире,
Пред ним бессилен и саней и газ,
Не потому, что этот голос — бас,
А потому, что он поёт о мире.

НА СОЛНЕЧНОЙ СТОРОНЕ

Рисунок О. Верейского

В один из лунно-солнечных восточных дней, которые особенно хороши в Ленинграде, Катя с Наташей шли по Университетской набережной. Они встретились в трамвайном салоне и решили пойти по дворцовому мосту, чтобы прогуляться вместе до дома.

Катя особенно рассказывала о своих изобретательских делах, но Наташа слушала её рассеянно. Она то и дело оставалась в изумлении выходя из виду рассматривала выходящие из окон стёкла павильона. Их было так много, этих красочных павильонов и со всех сторон на тротуарах стояли бойкие, энергичные лица со свежими лицами. Обсуждали вопросы павильонным солдатам, плавающим вдали, и вечно приходило его и себе.

— Да ты же не слушаешь меня! — сказала она с досадой упорной. — Художники! Только бы их произведение искусства посмотреть!

— И нет... — медленно произнесла Наташа, — и смотрю на эти павильоны сейчас совсем не с точки зрения художницы. Я тебе больше скажу: есть один павильон мимо второго и я могу пройти спокойно. И он как раз дано не рисунок, а фотографии.

— Знаю! — воскликнула Катя. — Знаю, о чём ты говоришь! Сама и фото... да построй! Вот они, на спускающемся доме!

Они уселись на скамью и остановились перед одним из нескольких — разных, разных — павильонов на стене здания Академии наук.

— Эту? — поспеку-то шалотом спросила Катя.

Наташа молча кивнула головой. — И так и думаю. Дел это, живишь... — и Катя улыбнулась.

Девушки несколько минут безмолвно глядели на павильон. Это был большой лист, разделённый вертикально на две части. На левой стороне, над красной подписью «При социализме нет места безработице», двое советских художников внимательно рассматривали необычную деталь изюма-то машины. Тот, который держал в руках — поминдному, старший — глядел на неё с легкой улыбкой, с тем смешанным выражением удивительности и гордости, с какою учитель обычно смотрит на отчаянную работу ученика. Рядом стоял младший, тоже глядел на деталь, но не улыбался. Сразу становилось понятно, он только что закончил работу над этой деталью и вот стоит в её величии, ждёт оценки от своего начальства и учителя.

Радостной увлечённостью трудом, уверенностью в своих силах, миром

вело от этой простой и обычной сценки.

Но девушкам, не отрываясь, смотрели на правую часть павильона. Под ленто чёрными бумажки стояли. При капитализме мысленно безработных рук». А над этой подписью прямо на зрителя насматривал

Жуткое лицо... — прошептала Катя.

— Страннее, чем жуткое! Ты представляешь себе, что на душе у него сейчас? Знаешь, Катя, хочешь, я расскажу тебе про этого человека? Мне кажется, я уже знаю о нём всё-всё...

человек. На груди его висела доска: «Согласен на любую работу!». Руки человека — ладонями вверх — протянуты вперед, и пальцы их концами своими выходят из рамки картины. — Я не могу спокойно смотреть на этот плакат! — возмущенно заговорила Наташа, — ты взглядишь в это лицо...

— Фантазия ты... — тихо, без тени улыбки произнесла Катя и крепче прижала к себе надетый зонтик.

— Пусть фантазия... — Наташа довольно дернула голову, — тут же и фантазия не надо, чтоб понять... Разве ты не видишь, сколько в этом лице и ослеплённого человеческого достоинства, и гордости, и не то же

времени горечи и безнадёжного отчаяния? Смотри! Она подошла ближе к плакату. — Взглядишь и его глаза! Ты видишь, каких страшных усилий стоило сделать, чтобы сюда вынести! Справедливую, святую ненависть! Вот она стоит, — горько продолжала Наташа, — и протравливает роуны. Показывает свои ладони, царапины, ущемки руки молодого мужчины... Эти руки! Они сформировались в работе. Да! В работе! Смотри, они гладкие, без мозолей. Ну, дай же им работу! Какой угодно! — и встала на тротуар, жемре, в центральные — вы, видите, ты, в глубине?.. Идут они мимо и дела им нет до него, он стоит и думает: «Что же дальше?..» А дома у него нет семьи...

— Тоже безработная... тоже подсадила Катя.

— Тоже безработная! — повторила Наташа, — и двое детей. Толстые. Как страшно ненавидит он тех вон... аху!... А хочешь, я расскажу про них... — Наташа говорила гневно, всё больше улыбаясь. — Вот тот — видишь, справа — подползет к автомобилю с женой. До чего же она довольна, смотрит! Он сегодня покорил ей ещё одно бриллиантовое ожерелье. А деньги на него он вынул за протусованные консервы, которые будут есть голодные дети в Европе...

— Вот тот, который идёт через улицу... О, он озабочен! Он думает: «А будут ли быть войны? Короче говоря, будет война — это же для него разорение!.. И ещё он очень волнуется, точно кто исполнит его приказание утопить в океане столько-то тонн ваттона и чернило... Кан бы безработные не ухитрились стачать столько-нибудь... — Наташа глубоко переделывала. — Катюша, как, должно быть, страшно там жить!

— Естественно! — Катя тоже глубоко выдохнула. — Зверинские нищавые... Он, Наташа! А у нас-то зато...

Они прошли несколько шагов и остановились перед плакатом с лозунгом: «Матери всего мира боритесь за мир!» Высокая, стройная женщина в длинном пальто, вглядываясь в глаза, в волосы левой рукой прижимала к себе мальчуганчика, а правой рукой правая была грозно поднята вверх. Во всей гордой и решительной позе женщины и сосредоточенности над переосмыслением бровей, в устремлённом взгляде и сияющей кулаке правая была грозно поднята вверх. Во всей гордой и решительной позе женщины и сосредоточенности над переосмыслением бровей, в устремлённом взгляде и сияющей кулаке правая была грозно поднята вверх.

Во всей гордой и решительной позе женщины и сосредоточенности над переосмыслением бровей, в устремлённом взгляде и сияющей кулаке правая была грозно поднята вверх.

Во всей гордой и решительной позе женщины и сосредоточенности над переосмыслением бровей, в устремлённом взгляде и сияющей кулаке правая была грозно поднята вверх.

И в яркое солнце залитую и их, и эту картину, и восторг и изумление и изменчивое, ненавидящее человека с противными вперед ладонями.

ЕЛЕНА ВЕРЕЙСКАЯ

В ЗАЩИТУ МИРА

В ЗАЩИТУ МИРА

хов: разгромлены антинародные заговоры швейцарцев и баронетов, связанных с американскими и английскими империалистами; промышленность и сельское хозяйство этих стран успешно развиваются, с каждым месяцем темп их роста увеличивается.

История нашей коммунистической партии, путь, пройденный нашим государством, служат великим примером для стран народной демократии.

Сказали рабочие Чехии:

— Хватит
— работать на Ватто
и синны горбаты!
будем бороться мы стойко;
Кремлевские звезды
Нам светят с востока!
(Ф. Фоломи)

Как русские, строит свою жизнь народы стран демократии, как русские, они борются за мир!
Не нужна война и простым людям империалистических стран. И без войны капитализм обрушился на плечи трудящихся неисчислимые тяготы: безработица, нищета, подлые и бесправие. Надвигающийся кризис дня отодвигает страдания трудового народа.
Трудящиеся хотят мира. Но хотят мало. За мир нужно бороться, и советский поэт за трудящуюся народ поднялся на эту борьбу:

К тебе обращаюсь я снова и снова,
Американский трудящийся класс,
Не дай
— свой народ
опозорить
банзрам.

Со всех поднигателей
масис срывай!
Американец
— масис срывай!
дай счастья и мира
Не дай обмануть себя.
(М. Лукачи)

И
— встанай!
— встанай!
Призывы и борьба против поруганной войны зовут все громче и громче, все больше людей во всех странах поднимаются к ним и становятся в ряды защитников мира:

И обещает проголосовать
в любом нраве, в любой стране!
Призыв борьбы и веры страстной!
Против войны и против фашизма,
— Победу — миру! Смерть — войне!
(А. Твардовский)

Советский Союз не хочет войны и призывает все страны и мир. Но Советский Союз не боится войны. Наш народ уверен в силе Советской Армии, в мощи нашей промышленности, в крепости социалистического сельского хозяйства. Наш народ непоколебим, потому что мы руководим большевистская партия и великая Сталин.

Если империализм в страхе перед растущим кризисом, в страхе перед успехами стран социализма, окончательно лишившись рассудка, разведет новую войну, — они ускорят собственную гибель:

— Если уж снимать чехлы
С орудий,
Поверней их собственной рукой
Против тех, кому война нужна.
Если бой, так только всеармейский,
Справедливый и последний бой!

Но прежде чем будет достигнута победа над агрессором, прежде чем будет уничтожена причина войны империализма, — погибнут десятки миллионов людей, неисчислимые страдания выпадут на долю сотен миллионов. Советский народ хочет предотвратить эти жертвы, хочет избежать ненужной войны за мир, он неустанно и решительно призывает к миру:

В защиту мира
Встанайте, люди!
Ряды тех,
— Страна к стране!
И пусть над миром
Сильней будет
Гремит призыв наш:
— Не бойся войны!
(И. Френкель)

Сборник стихов «В защиту мира» — это великий вклад советских поэтов в дело мира и поднигательной новой войны.

Евгений ПРАЛНИКОВ

В таких условиях живет большая часть французских рабочих. Малочислу 12 лет, но он не имеет возможности учиться. Таких же участь ждет и его младшую сестренку...

ПОЧЕМУ ОНИ НЕ УЧАТСЯ

В США 20 миллионов взрослых неграмотны; 6 миллионов детей вовсе не учатся и 10 миллионов посещают школу лишь 3-4 месяца в году.

В Индии не учатся 48 миллионов детей.

В Англии за стенами школы осталось около 1 миллиона детей, во Франции в 1948 году отказано было в приеме в школу 350 тысяч детей; число студентов сократилось на 10 тысяч.

Почему!
— Не хватает средств, — совершенно разводит руки министры. — Ломе! Деньги есть, но они идут на войну.
Правительство США ассигнует на народное образование и науку лишь 1% (один сотую) бюджета, а 70 с лишним % — на войну, чем на военные цели, «на каждые полдоллара», — говорит известный ученый Д. Картер, — которые американским ученым удается получить для борьбы против рака и других болезней, они получают миллионы долларов для изготовления новых орудий смерти».

Индийское правительство тратит на вооружение в 17 раз больше, чем на народное образование.

Английское правительство в 1948-1950 году на военные нужды отпустило 800 миллионов фунтов стерлингов, а на строительство школ, — 55 миллионов. На каждого английского солдата расходуется средств в 12-15 раз больше, чем на обучение одного студента.

Во Франции ассигновано на школьное строительство в 10 раз меньше, чем на подготовку к войне. Один день войны во Вьетнаме стоил столько же, сколько расходуется на все студенческие столовые и университетские Франции за целый год. Той суммы, в которую обходятся каждые 12 дней позорной борьбы против вьетнамского народа, достаточно было бы, чтобы на весь год обеспечить стипендиями всех без исключения студентов Франции.

Тысячи и тысячи итальянских семей впадают в такое существование, как это показано на снимке. У них нет работы, нет жилья, дети их не ходят в школу.

(Фото из итальянской газеты «Лаворо») 15

Значительный вклад во всенародную борьбу за мир вносят советские литераторы. В своих ярких, волнующих произведениях они рассказывают прогрессивным людям всего мира правду о нашей стране, они сражаются массой с поднигательной новой войн, они зовут честных людей всех стран сплотиться в единый фронт против империализма.

Издательство «Советский писатель» недавно выпустило сборник «В защиту мира!», в котором собрано только небольшая часть стихотворений советских поэтов, посвященных этой теме.

В создании книги приняли участие более ста поэтов и переводчиков. Среди них — ведущие русские поэты: М. Исаковский, А. Твардовский, Н. Тихонов, А. Суриков, С. Ципачев, К. Симонов, Лермонтов, Гиранич, М. Мандельштам, М. Баязитов, Максим Рыльский, Павел Тычин, Андрей Мандельштам, мастер белорусской поэзии: Максим Танк и Армайд Якубов, таджикский поэт Мирзо Турсунзаде, заморский поэт Мамае Рагим, узбекский поэт Гафур Туляев, молдавский поэт Евгений Буков и многие другие.

Наряду с писателями старшего поколения в нем большое место заняли и широко известные советские поэты, имеющие более молодого поколения, такие, как Николай Грибанев, Лев Шалунин, Анатолий Седоров, Михаил Луконин, Сергей Смирнов, Евгений Долматовский, Александр Мамуров и других.

Но особенно радостно отметить, что за такую сложную, ответственную тему смело борются и литературная молодежь. В сборнике опубликованы стихи большой группы молодых поэтов: Юрия Гордиенко, Сергея Орлова, Марии Максимона, Александры Манурова и других.

С увлечением и гордостью рассказывают поэты о созидательном труде советского народа в послевоенные годы. Дети наши поистине грандиозные: мы переделываем природу, даем новую науку, строим в нашей стране коммунистическое общество. Коммунизм близок, уже ясно зарисовывается его первые черты и признаки. Число довести до конца великие начинания, советскому народу ниним мир.

Я мечтаю: дубы и ивы,
Что только над лесом,
Встретить лесом в степи медовой,
И уныло то до зеленей,
— Мир для этого нужен мне!
Я мечтаю: в чужом огромном —
Именно мечта пошлая —
Вместо конка дать отцом домик,
И построю такую дому —
Мир для этого нужен мне!
И заветной мечты не скоро
О трудном счастье: один день,
Дней то вовсе не за горю,
И хочу коммунизм достроить,
— Мир для этого нужен мне!
«Мир!» — на стройках стирпола
«Мир!» — деревья шумят в саду,
«Мир!» — я слышу на всех
наречьях.
За такую мечту человечью.
Если надо, я в бой пойду.
(Н. Ваяков)

Мир нужен и странам народной демократии. Эти государства стали на пути построения социализма и добились уже значительных успе-

1 «В защиту мира!» Стихи советских поэтов. Составитель А. Лазин, редактор Ш. Шенкель. Изд. «Советский писатель». Берлин 25.000, 1949.

НЕМЕЦКАЯ МОЛОДЕЖЬ НЕ БУДЕТ ВОЕВАТЫ

*Seid ihr Kinder,
die Seid der Arbeiter der Arbeiter
der Arbeiter Arbeiter Arbeiter Arbeiter
die in einem Arbeiter Land der Welt
Wir sind Kinder, die in dem Arbeiter
Land der Arbeiter Arbeiter, die Arbeiter
die Arbeiter, die Arbeiter, die Arbeiter
Wir sind die Kinder der Arbeiter
Kinder die mit uns die Arbeiter
die sind, die die Arbeiter der Arbeiter
die die Arbeiter Arbeiter Arbeiter Arbeiter
Tausend Jahre gesamt hat.*

Дорогие друзья!

В главе доклада студентов Германской демократической республик и гостий в нашей замечательной стране. Мы счастливы, что увидели своими глазами Москву — столицу социализма и оплот мира во всем мире, рады тому, что благодаря Советскому Союзу, сыгравшему решающую роль в освобождении нашего народа от фашизма.

Мы дорожим появлением новой Германии, никогда не забудем благодарной, бескорыстной помощи советского государства, его верной дружбы.

бы, которая нас поднимает и ведет вперед. Под благодатным солнцем этой дружбы возрождается жизнь нашей страны.

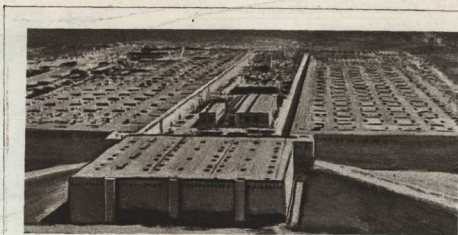
Прошло совсем немного времени, как свершилось великое событие, ознаменовавшее поворотный пункт в жизни Европы. Рождение Германской демократической республики. Но какие большие перемены произошли уже на нашей земле! На наших полях находится народное хозяйство. Во всех городах восстанавливаются заводы и фабрики, строятся новые дома и учебные заведения, увеличивается выпуск машин, приборов, тканей, бумаги... Крестьяне и рабочие в этом году достигнут довоенных урожаев сельскохозяйственных культур.

Вступила счастливая пора и для молодежи. В то время как советские маршкетеры, понижая узнаваемые эмблемы наших сверстников на безработицу, голод и нищету, юным гражданам Германской демократической республики предоставляется право на труд и образование.

И вот теперь, когда мирный, созидательный труд наполнил радостью сердца людей, англо-американские агрессоры стремятся развязать новую кровавую бойню. Два раза империялты зверели против народов в войну. Это не повторится в третий раз! Немедля молодежь не хочет воевать! Потому юности и девушки вступают в ряды широкого Национального фронта за мир, национальную независимость, создание общегерманского государства и выход всех оккупационных войск. Силу и уверенность этого черниль в дружбе и поддержке Советского Союза ставит народная демократия.

Многочисленная движениа за мир, за свободу динится и крепнет день ото дня. По всем городам и сельским районам разверзались людотова во Всегерманскую силу молодежи.

Слет открывается конгресс молодежи Германии, гости из Советского Союза, стран Восточной демократии, Франции, Италии, Алжирии, Голландии, Дании, Швеции и Норвегии. На этом знаменитая мощная демонстрация молодежи за мир, за единую демократическую независимую Германию, за независимость нашей родины.

Свыше 4,5 миллиарда долларов в год тратит правительство США на производство атомного оружия. На с н м к е обоний вид «атомного города» в США — гигантский «фабрики смерти», где изготавливают орудия массового истребления людей. (Снимок из журнала «Стронинши мира»).

РЕБАН НУК ЭДИН,
секретарь Союза алжирской демократической молодежи

МОЛОДЫЕ АЛЖИРЦЫ БОРЮТСЯ

Алжир — страна, где сотни юности и девушки находятся в тюрьме только потому, что любят свободу. 40 тысяч алжирцев были убиты во время колонизаторского заговора в мае 1956 года.

За 10—12-часовой рабочий день батраки получают «топливые» заработки, но тысячи молодых людей бродят по улицам в поисках денег этого заработка. Правда, империялты французов правительство нашло «выход» для них: молодых бездомных безработных пытаются сдать на пушечное мясо по цене в тысячу франков за килограмм и отправив для ведения преступной войны во Вьетнам. Да, да, такая цена человека, которую предлагают вербующими молодым алжирцами!

Арабский алжир, на котором говорит больше девяти десятых всего населения Алжира, считается «нистраньями». Наша национальная культура задушена, лишены почти все школы. Более полторы миллиона детей лишены школы, 90 процентов населения не имеют работы.

Но алжирская молодежь борется. Сотни алжирцев предоступают за действия в защиту мира. Молодые доллары Алжира отказываются гулять ворами, направляются во Вьетнам.

Во исполнение решений Всемирного конгресса молодежи был организован Алжирский комитет демократической молодежи, который возглавляет и организует эту борьбу.

СЛОВО СОВЕТСКИХ ШКОЛЬНИКОВ

Весь мир облетело возмущение Постоянного комитета Всемирного конгресса сторонников мира. Каждый, кто стоит за мир, кто не хочет, чтобы пали войны слова охватывало человечество, повторяет слова этого возмущения: «Мы требуем безусловного запрещения атомного оружия, как орудия устрашения и массового уничтожения людей. Мы требуем установления строгого международного контроля за исполнением этого решения. Мы считаем, что правительство, которое первым применит против любой-либо страны атомное оружие, совершит преступление против человечества и

должно рассматриваться как военный преступник».

Мы, учащиеся алжирской средней школы № 2 города Пенны (СССР), обдумали это возмущение, горячо поддержав его. С каждым днем растет бесстрашие подрастающей третьей мировой войны, которые хотят подвергнуть человечество ужасам новой бойни. Но поджигатели войны должны помнить, что сила сторонника мира непрерывно растет. Стронинши мира никогда не позволят империялтам развязать новую мировую войну. Все миротворное человечество воспринимает воззвание Постоянного комитета Всемирного

конгресса сторонников мира как грозное предупреждение поджигателям новой войны.

В росте сторонников мира во всем мире залог того, что третья мировая война не будет развязана.

Мы горячо верим, что стронинши мира одержат победу. Мы твердо, уверенно подшоляемся под воззвание Постоянного комитета Всемирного конгресса сторонников мира, которое является высшим высказанием в деле мира. Мы, учащиеся, отдадим все свои силы для успешной учебы, чтобы в будущем стать достойными бойцами за мир.

Следует подписать

НЕУКЛОННО БОРЬСЯ ЗА ПРОЧНИЙ МИР МЕЖДУ НАРОДАМИ, РАЗОПЛАТА ВСЕХ И ВСЯКИХ ПОДЖИГАТЕЛЕЙ ВОЙНЫ, МЕЖДУНАРОДНОЕ ДВИЖЕНИЕ СТОРОНИКОВ МИРА ВЫПОЛНИТ СВОЮ ИСТОРИЧЕСКУЮ ЗАДАЧУ — МОБИЛИЗОВАТЬ ТАКУЮ МОЩЬ НАРОДОВ, КОТОРАЯ ОБУЗДАЕТ ЛЮБОГО АГРЕССОРА.

ВДОХНОВЛЯЯСЯ ПРИМЕРОМ ТРУДЯЩИХСЯ СССР, ВЕЛИКОГО ЗНАМЕНОСЦА МИРА ТОВАРИЩА СТАЛИНА, НАРОДЫ ВЫИГРАЮТ СВЯЩЕННО СРАЖЕНИЕ ЗА МИР!

На обложке: «Мы завоевали мир для народов, мы его отстоим!» —

рисунки Н. Жукова.
Формирование номера В. Урниа.

Поллицияция в Рио-Де-Жанейро арестовывает студента Вандер Кассато, одного из руководителей Союза студентов, протестовавшего против повышения цен и ухудшения экономического положения молодежи.

(Из американской газеты «Дейли уоркер»)

И. о. редактора — Г. Ершов.

Редакция: Н. Асеев, Б. Вейтхов, Е. Долгановский, Н. Муков, М. Котов, А. Космодемьянский, Г. Кузнец, В. Людич

Адрес редакции: Москва, 40, ул. «Правда», 24. Тел. Д 3-34-24. А—00898. Подписано и печатно 13/У 1950 г. Заказ № 1281. Тираж 73 000. Изд. № 354.

Типография газеты «Правда» имени Сталина, Москва, ул. «Правда», 24.

СОЛДАТЫ МИРА

Слова А. СОФРОНОВА

Музыка Л. ВАКАЛОВА

Слышишь, товарищ, голос
миллионов!
Мы в борьбе за мир в едином ряду:
Наши знамена — в небе полуденном,
Вратки мы по дружбе и по труду.

Припев:

За счастье народное,
За дело свободное,
За мир, за дело правое,
Пусть каждый верит!

Рядами могучими
За светлое будущее,
За мир, за дело правое,
За прочный мир, вперед!

Трубы, трубите, бойте, барабаны!
Наш призыв горячий, смело летит;
За овнами, в города и страны
Мирным дном проложим наши
пути.

Припев.

Дело свободы — дело всех народов,
Мы сильны единством волею
своими
Объединяется наступили годы,
Мы солдаты мира — мы победим!

Припев.

В темле мира

Слышишь, товарищ, голос миллионов.

Мы в борьбе за мир в едином ряду:
Наши знамена — в небе полуденном,
Вратки мы по дружбе и по труду.

Припев:

За счастье народное,
За дело свободное,
За мир, за дело правое,
Пусть каждый верит!

Рядами могучими
За светлое будущее,
За мир, за дело правое,
За прочный мир, вперед!

Трубы, трубите, бойте, барабаны!
Наш призыв горячий, смело летит;
За овнами, в города и страны
Мирным дном проложим наши
пути.

Припев.

Дело свободы — дело всех народов,
Мы сильны единством волею
своими
Объединяется наступили годы,
Мы солдаты мира — мы победим!

Припев.

5326

Цена номера

2 руб.

**В ЗАРОДЫШЕ ЗАДУШИ
ВОЙНУ!**

Сергей Ар 50

Рисует
С. Арутюнян